

ВИКТОРИЯ ВИТА

16+

NON STOP- НЕ ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Виктория Вита

Non-stop – Не останавливаться

«Автор»

2022

Вита В.

Non-stop – Не останавливаться / В. Вита — «Автор», 2022

Иногда бывает всё настолько плохо, что посещают мысли: наверное, в прошлой жизни так грешила, что в этой наказана нелёгкой женской долюшкой. И мчится жизнь, как обезумевший скакун, потерявший узду. Дом, работа, личная жизнь – всё катится в тартарары. Да ещё предательства, убийства, похищения, нешуточные страсти прошлого и настоящего накрывают с головой в самый неожиданный момент, и кажется, что нет никакого выхода – «есть только вход, и то не тот». Но они женщины, и для них нет ничего невозможного. Разный возраст, круг интересов, профессии и образ жизни – врач и адвокат, переводчик и школьница, бывшая балерина и любовница олигарха. Каждая из них оказалась не в то время и не в том месте, и закрутила их жизнь в едином смертельном водовороте. Что их поддерживает – вера друг в друга и, конечно, в себя... А у неизвестных деньги, сила, оружие и неутолимая жажда убивать. И будет новое утро, и будет новый день, только кто его увидит?

© Вита В., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Часть первая. Катерина Аркадьевна и другие...	6
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Виктория Вита

Non-stop – Не останавливаться

*Когда ты идешь сквозь ад,
главное – не останавливаться.*

Черчилль

*Какой бы сильной ни была женщина, она ждет
мужчину сильнее себя. И не для того, чтобы
он ограничивал ее в свободе, а для того, чтобы
он дал ей право быть слабой.*

Ремарк

Часть первая. Катерина Аркадьевна и другие...

Большинство членов «научного сообщества» занимались делами, весьма далекими от вопросов, рассматриваемых на сегодняшнем заседании. Кто-то развлекался играми, кто-то переписывался, кто-то с увлечением разглядывал в телефоне нечто, явно не относящееся к тематике конференции. Почти как в детском стишке: «кто на лавочке сидел, кто на улицу глядел, кто-то пел, а кто молчал, а кто-то там ногой качал...» Исключением были те, кому не повезло оказаться в первых рядах перед сценой. Академики в президиуме откровенно скучали, перестав делать заинтересованные лица уже с середины второго доклада.

Катерине повезло – она сидела в предпоследнем ряду и чувствовала себя весьма комфортно. Покачивая ногой, она тщательно вырисовывала в своем блокноте толстенького чертика.

В это время с высокой трибуны вдохновенно вещал свежеиспеченный доктор наук. Эдакий породистый, розовощекий пухляш – «губки бантиком, бровки домиком», едва переступивший тридцатилетний рубеж и который, по-видимому, получил степень кандидата наук вместе с дипломом медицинского университета, а еще через пару месяцев, чтобы не откладывать в долгий ящик, с триумфом защитил докторскую. Как в старом анекдоте: «у генералов тоже есть свои внуки», и судя по известной фамилии, это был именно тот случай. Имя его деда было во всех учебниках акушерства, об отце говорили немного, но с уважением, а внук вызывал лишь снисходительную ухмылку. С высоты положения, достигнутого предками, он, поблескивая из-за пухлых щек маленькими глазками и прищмокивая вареникообразными губками, хорошо поставленным голосом рассказывал о новых революционных методах лечения некоторых экстренных ситуаций в современном акушерстве.

Катерина откровенно скучала. Ей было жаль потерянного времени на этой «проходной, для галочки» конференции. В свое время она занималась наукой, даже сдала кандидатский минимум, собрала материал, и ей было интересно, очень интересно, а дальше как-то не задалось. Любовь, и не просто любовь – вселенская страсть (аж искры из глаз летели) накрыла сразу и с головой, затем замужество, где эти самые искры вместо того чтобы разгореться в пламя, быстро превратились в еле тлеющие угольки, которые медленно и верно покрылись толстым слоем бытовой пыли. Мужа, умного, тонкого интеллигента черт знает в каком поколении надо было кормить, поить и одевать. Короче, холить и лелеять. И не абы как. Он же «в поте благородного лица» трудился во благо Отечества в элитном питерском университете и должен был соответствовать определенному статусу ассистента кафедры. Поэтому Катерина, как человек, далекий от научных изысканий, то есть приземленный и погрязший в мирских заботах, вкалывала не по-женски днем и ночью, без праздников и выходных, чтобы у любимого все было на высшем уровне. Муж с удовольствием пребывал в мире своей «необыкновенности», был недоволен всем и всеми и упорно не хотел расставаться с собственным детством, изображая незаслуженно обиженного мальчика, застрявшего где-то в границах пубертата, поэтому вопрос о настоящих детях в их семье даже не рассматривался. Дети... зачем им дети, их не надо... ну, пока не надо. Это шумно. Это хлопотно, а у него, такого «чувствительного» и «ранимого», научная работа, ему диссертацию надо писать, а они, дети, будут мешать. Весь мир должен крутиться только вокруг него и его проблем. Первые годы это доставляло ей удовольствие. Что-то, а материнский инстинкт у нее был развит хорошо, но то ли от хронической усталости, то ли потому, что в последнее время она все больше сама себе напоминала усовершенствованный кухонный комбайн, который готовит, моет, стирает, убирает, гладит, а еще работа... Работа, по сравнению с которой все фильмы из серии «Миссия невыполнима» представлялись безобиднее детских мультфильмов времен «глубокого застоя», а Итан Хант в исполнении знойного Тома Круза вызывал ассоциации со слепым и беспомощным котенком... Мелочи вроде

беготни по магазинам не в счет – они рассматривались как поддержание физической формы, и прочее, прочее, прочее. Обычная жизнь обычной женщины в современном мире: «косец, и жнец, и на дуде игрец», желательно все одновременно. Почти как в прошлые века, только в наши дни быт облагорожен техникой, если, конечно, на нее есть деньги и место на кухне. А если нет ни того, ни другого, то на нет и суда нет. Правда, в том «далеком прошлом» женщины вроде не работали на производстве, а занимались в основном домом, но эмансипация, свобода и равенство – дело святое, поэтому надо продолжать «наслаждаться» плодами многовековой борьбы. Учитывая «насыщенный» образ жизни, который она вела последние годы, этот самый материнский инстинкт, как резиновый ежик с дырочкой в правом боку, присвистнул через эту самую дырочку и впал в глубокий летаргический сон на грани комы.

Катерина потрянула головой, отгоняя крамольные мысли, а они, особенно в последнее время, стали посещать ее все чаще и чаще, и в сто первый раз попыталась сконцентрироваться на докладе. Все-таки интересно, «молодому гению» уже есть тридцатник или нет? Ну, всяко если и больше, то ненамного, и сразу видно, что «пороха» родилки не нюхал, а весь свой «накопленный опыт» черпал из домашней библиотеки и рассказов близких. Хотя в экспрессии изложения материала ему отказать было нельзя – что-то, а говорил он красиво, даже захватывающе. У Кати был достаточный опыт посещения такого рода мероприятий, где торжественно освещались разного рода достижения в медицине. Затем они, эти достижения, активно внедрялись в практику. Практика же, в свою очередь, категорически отказывалась подтверждать результаты этих самых научных изысканий и оправдывать затраченные на них средства и дивиденды. Вроде бы начинали возникать резонные вопросы по поводу достоверности представленных результатов ноу-хау, и вообще, была ли необходимость в проведении таких исследований, и действительно ли это уж такой прорыв в науке, такой шаг вперед, как настаивали на этом молодые светила, эдакий скачок в будущее? Или все-таки нет? Но выданные гранты уже были растратчены на насущные нужды, диссертации защищены, научные степени и полагающиеся к ним должности и привилегии получены, поэтому некоторые особенно шумные и не оправдавшие себя проекты потихоньку спускались на тормозах и хоронились в анналах истории, все или почти все возвращалось на круги своя, в очередной раз подтверждая, что «все прекрасное новое – это хорошо забытое старое». Итак, научная поросль «молодых и рьяных», многие из которых только теоретически представляли, каким образом и откуда на свет появляются дети, продолжали с задорным энтузиазмом «двигать» науку вперед, отработывая большие зарплаты. Тем же, кто пахал в родилке, на переднем крае, иногда до дрожи в ногах, до полусознательного состояния, до кровавой пелены перед глазами, оставалось только согласно кивать, типа «жираф большой, ему видней», и работать, работать и работать. Впрочем, «проблемы индейцев шерифа не интересуют».

Катерина пририсовала чертику длинный хвост в виде большого вопросительного знака, потом в центре арбузовидного животика поставила жирную точку и получился довольно пикантный пупок, а в завершение вложила в его когтистую лапку огромную морковку.

– У вас талант, Катерина Аркадьевна, – прошептала ей в ухо сидевшая рядом Светлана, на мгновение оторвавшаяся от игры в смартфон. – На докладчика чем-то похож, – и, хихикнув, вновь уткнулась в свой мобильный, продолжая активно стучать пальцем по экрану.

Светка, юное дарование, без году неделя как закончила ординатуру и находилась, как и положено совершенно неопытному специалисту, в состоянии полной уверенности, что все знает и все умеет. Она шла своим, только ей известным путем, гордо задрав маленький носик и абсолютно уверенная в своих силах. То, что в их работе самое что ни на есть главное – это вовремя подставить руки, не вызывало у нее абсолютно никаких сомнений, а мозги, тем более какая-то там «чуйка», о которой твердят старые, впадающие в маразм динозавры от медицины, – это все от лукавого. Фраза «большие знания рожают большую скорбь» вызывала у нее не только кривоватую «всё понимающую и всепрощающую» улыбку, но и легкий

вздых с печальным оттенком: мол, о чем еще здесь можно говорить, тут уж точно годы взяли свое, и взяли хорошо. По большому счету работала Светлана не так и плохо, кроме того была необидчивой, а за ее звонкий заразительный смех, перед которым практически невозможно было устоять, ей многое прощалось. Чтобы амбициозное создание не путалось под ногами и меньше раздражало своим нездоровым оптимизмом корифеев роддома, ее при каждом удобном случае ссылали от греха подальше, пока она чего не напортачит, набираться уму-разуму на конференции со старшим товарищем. В данном случае «старшим товарищем» была она, Катерина. На этом конгрессе Светлана должна была набраться научного опыта, который, как показывала реальная жизнь, не всегда был неотъемлемо связан с практикой, а «красной девице» не хватало ни того, ни другого, то бишь ни теоретических знаний, ни практических, но энергии было немерено. И молодая светоч совершенно не собиралась ее, эту самую энергию, аккумулировать, живя по принципу «новое место – новые свершения», ну или «подвиги», тут уж как получится. Она могла бесцеремонно втесаться в круг ученых мужей и брякнуть что-нибудь не к месту, что должно было выглядеть как «молодой специалист делится своим клиническим опытом». Однако, несмотря на старательно изображаемый мыслительный процесс, со стороны это выглядело смешно и вызывало чувство неловкости за происходящее, но, правда, не у всех. Зрелые ученые мужи с пониманием относились к симпатичному юному созданию, которое неудержимо рвалось вверх, и не столько к славе, сколько к более теплоте и высокому месту, и больше уделяли внимания не речам, а скорее выпуклостям и округлостям ее фигуры и, конечно, ногам, которые Светлана демонстрировала с нескрываемым удовольствием. В какой-то степени она добилась своего – на нее обратили внимание и запомнили. Академическая профессура с отеческой улыбкой (независимо от возраста) раскланивались с «красной девицей» в коридорах и обращалась к ней по имени-отчеству, а иногда по-отечески, с едва уловимой иронией, просто по имени, но без фамильярности. Катя без зависти подумала, что эту девочку, приехавшую в северную столицу из российской глубинки, где она росла в семье очень среднего достатка, без «золотой ложки во рту», ждет большое будущее. Теперь Светлана была готова вырвать эту самую ложку у любого, и если понадобится – вместе с верхней и нижней челюстью владельца.

Решение вдруг пришло само собой. Тоскливую скуку как ветром сдуло, и на ее место пришла здоровая женская злость. Главное – определиться со своими желаниями, и чтобы они совпадали с твоими возможностями. А захотелось удрать отсюда как можно дальше и как можно быстрее. Конечно, хорошо бы сейчас прямым рейсом на Мальдивы, но нет возможности. Да и по большому счету: зачем ей эти Мальдивы? – жарища, всякие тропические насекомые, а в океане акулы – еще откусят что-нибудь. «Хочу домой», – мелькнувшая и пропавшая было мысль вернулась, стала разрастаться, заполняя все ее существо. Приехать, устроить «романтический ужин» и потом уснуть, уткнувшись носом в мягкое, теплое, пусть не совсем надежное, но родное плечо такого вроде большого, все-таки росточек – метр восемьдесят, и сто килограммов живого веса, и между тем такого еще маленького и беззащитного Вини. Она невольно улыбнулась, вспомнив, как иногда, если ему что-нибудь было нужно, он смешно надувал щеки, делал серьезно-задумчивый чуть удивленный взгляд и становился похожим на мультяшного медвежонка. Это на нее действовало, как криптонит на Супермена, и она сдавалась без боя, идя на все мыслимые и немыслимые уступки. Катерина смяла лист с рисунком, при этом у чертика на сморщившейся мордочке появился злобный оскал, перешедший в насмешливо-сардоническую улыбку, вызвавшую в ее душе неприятное, тревожное чувство. Чертыхнувшись, она так толкнула Светлану локтем в бок, что та от неожиданности едва не выронила из рук телефон.

– В перерыве я исчезаю отсюда, – яростно зашептала Катя ей в ухо. – Мое сиденье больше не выдерживает такого долгого нахождения в одном положении. Еще немного – и чтобы меня отсюда извлечь, понадобится домкрат. У тебя есть домкрат?

– Нет у меня никакого домкрата, Катерина Аркадьевна, но еще же завтра целый день доклады, фуршет... И потом, если начальство узнает... – нервно попыталась возразить в ответ Света.

– Ну, это «если», а здесь ты меня прикроешь. Скажешь, что у меня дома ЧП, ну, там трубу прорвало, потолок рухнул, принц Чарльз в гости приехал, короче, придумай что-нибудь. Если я к пяти попаду на вокзал, то к полуночи уже буду дома.

Не вникая в звучащие предостережения и услышав объявление о перерыве, Катерина бодрой рысью, при этом едва не затоптав пару коллег, неосмотрительно оказавшихся на ее пути, ринулась из зала заседания.

Здание медицинской академии, где проходила конференция, находилось, по московским меркам, совсем недалеко от их грустного и печального трехзвездочного отеля для командировочных. В советское время это было общежитие «улучшенной планировки» для рабочих какого-то там завода, что предполагало многоместные комнаты и «удобства», ну, пусть не на улице, но «где-то там, на этаже». В лихие перестроечные годы завод тихо отдал Богу душу и был растащен «по винтикам, по кирпичикам». Саму же общагу за копейки выкупил у города «прогрессивно мыслящий» предприниматель. Не мудрствуя лукаво он что-то чуть подлатал, что-то чуть подкрасил, переименовал комнаты в «нумера» и продал новоиспеченный отель за баснословную сумму тому же городу. Эту историю дежурная по этажу рассказывала всем, кто более минуты задерживался возле ее «блокпоста», где она после обязательной проверки документов выдавала ключ от заветной двери. Катя даже не пыталась запомнить имя этой женщины, которая никак не могла выбраться из девяностых и всем своим видом демонстрировала, что страдает от дефицита внимания. Чтобы каждый раз не выслушивать одно и то же, Катерина при получении ключа с брелоком в виде увесистой деревянной груши, с выжженным на боку номером, дарила дежурной плитку недорогого шоколада, и уже вместо истории возникновения гостиницы ей в спину неслись слова искренней благодарности.

Ураганом сметя в дорожную сумку косметику, бытовую мелочовку, так необходимую в подобных поездках, она бросила сверху кое-как сложенный спортивный костюм и уже на него с нежностью уложила бутылку итальянского (по утверждению продавца) сухого красного вина с серебристой этикеткой, на которой витиевато и совершенно нечитабельно было выведено название. Туда же последовали несколько вакуумных упаковок с московскими деликатесами (визуально ничем, кроме ценников, не отличающихся от таковых, продающихся в ее родном городе). Все было куплено накануне в небольшом магазинчике рядом с отелем. С удовольствием осмотрев «джентльменский» набор гостинцев и застегнув сумку, она, не сбавляя темпа, провожаемая удивленным взглядом коридорной, покинула «отель-ночлежку».

Она успела на вокзал, успела поменять билет, успела на нужный поезд и успела восстановить сбитое дыхание еще до того момента, как началось движение электропоезда. Все складывалось наилучшим образом, и через несколько часов – здравствуй, милый дом! Катя поудобнее устроилась в кресле, задумавшись, что столько везения – это не к добру. Но вроде поводов для глобальных неприятностей на горизонте не наблюдалось, и она, легко разогнав дурные мысли, задремала.

Он ехал в следующем от нее вагоне и, несмотря на удобства бизнес-класса, чувствовал себя некомфортно.

Он не любил поезда, но еще больше он не любил самолеты. Он их боялся. Однажды в одной из горячих точек, где пришлось проходить службу, подбили вертолет, в котором летела его группа. Они падали бесконечно долго, а потом был оглушительный взрыв. В том месиве из одиннадцати человек выжили трое... Прошло много лет, он давно ушел из армии, но почти каждую ночь ему снилась падающая с нарастающим свистом огромная машина... Никто из команды не кричал, они смотрели друг другу в лица, до последнего не веря, что это

конец... И в этот момент он просыпался. Ничто не помогало забыть тот кошмар. Ни алкоголь, ни женщины, ни наркотики... и тогда он начал изматывать себя работой. Той работой, для которой, наверное, и был рожден, – он продолжил воевать, возглавив охрану человека, к которому испытывал двойственные чувства.

Не надо было иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, кто есть кто. Хозяин не просто занимал место в высшем эшелоне криминалитета – если он и не был самим Зевсом на криминальном Олимпе, то уж точно его правой рукой. Но он старался об этом не думать, считая, что по большому счету его это не касается и он не вправе судить о моральных качествах своего работодателя. У шефа был ум, отточенный до уровня лазерного скальпеля, железный характер, ни с чем не сравнимая выдержка и еще огромное везение. Все это стало основой его несметных богатств и почти неограниченной власти. При устройстве на службу собеседование с ним проводил САМ, и тогда он сразу расставил приоритеты. Никаких темных дел и заказных убийств, только охрана, но охрана на самом высоком уровне – серьезнее, чем у президента, потому что у того врагов меньше. САМ согласился – у него для грязных дел существовала другая команда – «тайная канцелярия». Возглавив службу охраны, он не стал делать вид, что ничего не знает о существовании «канцелярии», приняв ее наличие как факт и максимально от этого дистанцировавшись – хватало своих забот.

За окном стремительно летящего сквозь густую темень поезда иногда прорывались полоски света мелькавших фонарей. В пустом вагоне бизнес-класса, где он был единственным пассажиром, сгустился полумрак, кто-то предупредительно выключил верхний свет, и из углов, подрагивая, потянулись темные тени. Он нажал на одну из кнопок, расположенных на ручке кресла, и оно мягко приняло почти горизонтальное положение.

Через несколько часов он будет в Питере, и ему должно хватить этих пяти дней, что так «милостиво» дал хозяин в счет мифического отпуска. Информация питерской группы не радовала. Два дня пропали впустую. Вот уж действительно: хочешь, чтобы дело было сделано хорошо, сделай его сам. Хотя кто мог подумать, что у этой девицы окажется столько прыти. Как ей удастся так лихо скрываться от трех профессионалов? А в том, что эти мужики знают свое дело, у него не было никаких сомнений. Это он знал совершенно точно. Так что им мешало? И еще Матвей... К «тайной канцелярии» было не подступиться. Если кто-нибудь попадал в их руки, то надежды увидеть или даже узнать, что стало с этим человеком, не было. Он сжал губы, на скулах невольно задвигались желваки, и в глазах заплесал ледяной огонь. Никто не знал, что они с Матвеем друзья... больше, чем друзья, больше чем братья... Матвей был вторым, кто выжил тогда... Он вздрогнул от удара памяти. Сейчас надо решить питерский вопрос, и если окажется, что кто-то или даже все из этой «канцелярии» виновны в исчезновении Мотьки... они пожалеют, что родились на свет... даже если в этом замешан САМ... им ничего не поможет, их никто не спасет. А потом он возьмет под опеку сына Матвея, Матвея-младшего, и его мать. И невольно порадовался, что у него самая личная жизнь «почасовая». Блондинки и брюнетки, шатенки и рыжие, известные, с неприступным видом мелькающие почти на всех телеканалах, и не очень, стройные и пухленькие – всякие. И при этом ни забот, ни обязательств – только «цена вопроса». И это его устраивало. Прошлое возвращалось к нему только во сне, настоящее было выверено до минуты, а вот будущее – здесь возможны варианты. Вот это-то ему и не нравилось. Когда «возможны варианты», то может произойти и такое, о чем меньше всего думаешь, а неожиданностей он не любил. В граде Петровом его ждали неотложные и весьма серьезные дела. Казалось, все проще простого. Адрес известен, фотографии во всех ракурсах, все данные вплоть до количества зубных пломб... и ничего. Ее нигде не могут найти. Может, у нее новый любовник и она сменила гнездо? Даже если она спряталась в аду, он знал, что все равно ее найдет, только на это понадобится больше времени. За окном замелькали знакомые пригороды. Поездка подходила к концу, и он с облегчением вздохнул.

Работа в родильном доме, состояние хронического экстрима быстро научили ее использовать для отдыха каждую свободную минуту. Закрыла глаза в Москве, открыла в Питере. Результат такого отдыха: затекла спина, шея, плечи и ноги. Казалось, что комфортно себя чувствуют только нос и уши. Ко всему, еще и настроение – в душе занозой засела появившаяся еще до сна какая-то пакостная тревожинка.

«Все хорошо. Сегодня все идет просто замечательно, – произнесла про себя с максимально возможной уверенностью Катерина, одновременно потянувшись так, что от раздавшегося хруста в спине едва не заложило уши. – А до завтра еще дожить нужно, хотя завтра суббота, и, соответственно, тоже ничего плохого случиться не может, потому что выходной. К тому же у меня все просто замечательно: и дома, и на работе. Ну и что мне еще надо? – спросила она сама себя. – Конечно, еще много и много чего надо, но основная база все же есть, а остальное (надо обязательно верить в лучшее!) приложится». Вся эта мантра для поднятия духа звучала, несмотря на приложенные старания, как-то неубедительно, то есть ва-ще неубедительно. «А еще такое активное общение с самой собой – это уже показание для встречи с психиатром», – промелькнула было шальная мысль, но вслух тем же полусшепотом она самоуверенно произнесла: «Ну и пусть, а я все равно счастлива. Ну, почти счастлива». В конце концов впереди дом, итальянское вино и, возможно (а почему бы и нет?), немного романтики, благо впереди выходные, и можно будет поваляться в постели подольше. Эти мысли, если полностью и не прогнали тревогу, то все же сдвинули барометр настроения в сторону «ясно».

На перроне, где торопливо двигались немногочисленные приехавшие, ее уверенным шагом обогнал высокий, худощавый, в удлиненном черном пальто мужчина. Он шел, не обращая ни на кого внимания, но вокруг него была такая аура, что все, кто оказывался на его пути, расступались, давая дорогу. На него трудно было не обратить внимания, и Катерина тоже невольно проводила его взглядом, пока он не скрылся за большими, с замысловатыми витражами дверьми.

Катерина нырнула в салон такси очень «эконом-класса», которое она вызвала сразу, как вышла из вагона, и чьим преимуществом был быстрый приезд и очень, просто очень демократичные цены. Именно поэтому она была готова выдержать специфический запах, обязательно сопровождавший такие машины, их водителей, говорящих с ярко выраженным южным акцентом и совершенно не знавших ее любимый город (да благословен будет тот, кто создал «навигатор»). Но на этот раз опасения не оправдались. Салон был чист, умеренно пахло бензином – водитель извинился, мол, только с заправки, и, не следуя слепо указаниям подозрительно радостного женского голоса, вещавшего из черной коробочки с ярко светящимся экраном, не путаясь в переулках спального района, довез быстро, да еще и сдачу дал в полном объеме, не стесняясь при этом, что у него нет, ну, абсолютно нет никакой возможности разменять тысячу рублей. В машине она напрочь забыла о странном «черном человеке».

Дверь в подъезд была привычно распахнута. Летом прорвало трубы с горячей водой и затопило подвал. Аварию ликвидировали, но запах сырости настолько въелся в стены, что при глубоком вдохе, проникая в легкие, рвал их в клочья, вызывая при этом судорожный кашель. На общем собрании жильцов было решено, во имя сохранения остатков здоровья проживающих и пока не проведут ремонт, оставлять парадную открытой в надежде, что запах постепенно выветрится сам. Но лето закончилось, близилась середина осени, по стенам поползла плесень, к сырости присоединился запах гнили, а о ремонте никто даже не заикался.

Катерина, сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, в итоге решила, что «перед смертью не надышишься» и идти все равно придется, нырнула в полутемный подъезд. Стараясь подольше задерживать дыхание, она в быстром темпе, перескакивая через две ступеньки, бежала на четвертый этаж. Мысль, что дома ждет «одинокый, голодный и холодный»

Вини, который её отсутствие более суток воспринимал как личную трагедию, а командировки на несколько дней – настоящим концом света, закружила и придала сил.

На лестничной площадке между вторым и третьим этажами в позе римского патриция на отдыхе, крепко держась за перила, как всегда весь грязненький и пьяненький, грустил Жорик. Он жил в соседней с Катериной квартире, слыл таким местным дурачком и тихим алкоголиком. Родившись в восьмидесятые, он подростком (когда гормоны неудержимо били в голову) на волне вседозволенности просто влетел в «лихие» девяностые. Его семья по тем меркам была благополучная: пара ларьков – дешевое спиртное, сигареты, чипсы и жевательная резинка – позволяли не зависеть от социальных выплат типа зарплаты от государства или пенсии. Родители Жорика дни и ночи проводили в борьбе за жизнь в мире дикого капитализма. Они изо всех сил старались расширить свой бизнес, увеличивая количество ларьков, которые в то время «украшали» практически все автобусные остановки. Поэтому момент, когда сыночек перестал ходить в школу, «бизнесмены новой волны» как-то пропустили. Жорик не только решил, что образование ему ни к чему, но и связался с себе подобными представителями «позолоченной» молодежи спального района. Это подрастающее поколение не хотело учиться, тем более работать, тусило на деньги родителей и считало, что им все обязаны. На одном из таких сборищ, во время очередных посиделок Жорик получил пару раз битой по голове. Следствием такого «тесного» общения была закрытая черепно-мозговая травма с кровоизлиянием в мозг, а так как голова у него и до того момента была не самым сильным местом, то после произошедшего дальнейшее развитие этого мыслительного органа и вовсе остановилось. Больше года он провел в клиниках и санаториях. Едва его руки и ноги начали двигаться, Жорик с радостным блеском в глазах вернулся на улицу к своим братанам (к тем, кто был еще жив или не сидел в местах не столь отдаленных) и тут же почти у собственного подъезда получил несколько ножевых ранений. В итоге новоявленный «гроза района» лишился одного легкого и большей части кишечника, но остался жив и, получив нерабочую группу инвалидности, стал пить. Родители его развелись, поделив все движимое (кроме сына, на него никто из них не претендовал) и недвижимое, и зажили каждый своей жизнью. Многогосударственный Жорик от своей семейки получил откупного в виде малюсенькой квартирки в старенькой хрущевке и ежемесячного денежного пособия, скудного до неприличия. Взамен предоставленным «любимыми родителями» щедротам он пообещал никогда не напоминать им о своем существовании и, кажется, действительно о них напрочь забыл. О его жизненной истории знали все жильцы пятиэтажки и помогали чем могли, особенно старались сердобольные старушки, которыми изобилдовал не только их дом, но и весь район.

– П-п-привет, – заплетающимся языком произнес Жорик и, цепляясь грязными руками за лестничные перила, попытался приподняться, но, быстро осознав бесплодность своих попыток, устроился поудобнее и замер в полусидячем положении.

– Жорик, ты так вальяжно здесь возлежишь, прямо загляденье, – улыбнулась Катя. – Давай руку, помогу до квартиры дойти, сидеть на ступеньках очень холодно, еще простынешь.

– Мне не до-омой, это я вниз иду, – с трудом подбирая слова, еле выговорил Жорик, пожевал что-то невидимое и с гордостью добавил: – В гости... к да-аме...

– И давно идешь? – невольно морща нос от запаха, идущего от давно не мытого тела и грязной одежды «патриция», поинтересовалась Катерина. – Может, она уже и не ждет.

– Не-е-е, ждет, это лю-любовь, во как, – и Жорик, вытянув указательный палец с грязевой траурной каемкой под ногтем, потыкал куда-то в сторону потолка. – Еще чуть по-си-жу и дальше пойду...

– Тебе далеко идти? – Катерина перехватила сумку в другую руку, мысленно немилосердно ругая себя на чем свет стоит за то, что затеяла этот разговор.

– Не-е-е, – и он, утробно икнув, добавил: – На пе-ервый... Еще по-осиж-жу и п-п-пойду...

– Жорик, ты все-таки долго здесь не расслаживайся, – уже на ходу добавила Катя и, ускоряя шаг, продолжила подниматься, стараясь на ходу достать из перекинутой через плечо сумочки ключи. Уже стоя у себя на площадке, она бросила взгляд в лестничный пролет: сосед медленно, но верно, переползал со второго этажа на первый.

Когда она открыла дверь, в первый момент у нее промелькнула мысль, что она попала в чужую квартиру. Но тут же пришло осознание, что все-таки это ее собственный «скворечник», и тогда сразу возник следующий вопрос: а кто, собственно, этот голый (если не считать «семейных» до колена трусов, разрисованных плейбоевскими кроликами и красными перчиками), толстый, блестящий потными телесами мужик? Его бордового цвета лицо и шея просто вопили о приближающемся апоплексическом ударе, но вместо того чтобы вызывать себе скорую помощь, он, забросив ногу на ногу, нахально развалился у нее на кухне и пил из пузатого бокала коньяк, о чем свидетельствовала стоявшая рядом полупустая, в золотом плетении бутылка. Это был не просто коньяк (его когда-то подарила благодарная пациентка), а элитный, чуть ли не столетней выдержки напиток, привезенный из Франции, а именно откуда-то из Бордери (что в общем-то Катерине ничего не говорило. Главное, что к нему прилагались сертификаты, подтверждавшие его подлинность и несомненную ценность. Она, едва ли не буквально, хранила этот раритет на груди, собираясь, в свою очередь, переподарить его на сорокалетие Никитосу, мужу своей лучшей подруги.) От осознания, что этот растекающийся по кухонному столу «гоблин» и есть ее Вини, у нее перехватило дыхание и остановилось сердце. Было ощущение, будто она получила удар в солнечное сплетение от самого Тайсона.

Новый шок спас её от преждевременной смерти. Катю будто окатило ледяной волной, когда резко распахнулась дверь ванной и оттуда появилось анорексичное, изрядно потрепанное житейскими бурями создание далеко не первой, и даже не второй свежести. Дама «полусвета» была завернута в любимое Катини полотенце из натурального льна, всем своим видом и манерами демонстрируя постулат, что каждый в этой жизни зарабатывает как может и чем может. Яркий, вызывающий макияж на дряблом лице и редкая поросль кудряшек морковного цвета, через которые просвечивала бледно-розовая кожа головы, делали ее жалкой пародией на «женщину мечты» – это была явно не та красота, которая должна спасти мир. Дама в сложившейся ситуации сориентировалась первой (видимо, уже имея определенный опыт) и, выставив вперед, будто защищаясь, развернутую от себя ладонь, неожиданным баском прохрипела:

– Ничего личного! Просто работа!

Дальнейшее происходило как в немых черно-белых фильмах, то есть динамично и в полной тишине, без пояснительных титров и музыкального сопровождения тапера. Первой через распахнутую настежь дверь на лестничную площадку вылетела сама «дама», «голубцом» завернутая в полотенце. Вслед, разлетевшись по лестнице разноцветным веером, последовала ее амуниция. Вини в трусах и уже без бокала в руке неуверенной походкой покинул кухню и из коридора следил налитыми кровью глазами за происходящим. Как раз в этот миг на лестничную площадку вслед за «блестящим» гардеробом «красотки» стремительно перемещались его вещи. «Морковка» быстро собирала свою одежду и, сбросив полотенце, тут же натягивала ее на еще влажное тело.

– Ты вот все неправильно поняла, – вдруг произнес Вини с трагическим надрывом в голосе. Насмерть вцепившись обеими руками в дверной косяк, он с видимым отчаяньем пытался удержаться на ногах. Развернув во всю ширь плечи, набрав полную грудь воздуха, Вини внезапно вернулся в образ Вениамина Валентиновича – интеллигента, ассистента кафедры, без пяти минут кандидата наук, при этом сменив амплуа обвиняемого на обвинителя. Едва ворочая непослушным языком, стараясь максимально четко выговорить слова, он, будто читая драматичный отрывок из трагедии Шекспира, выдал целую тираду:

– Ведь все вообще не так, как это кажется на первый взгляд и как ты думаешь своим скудным, недалеким умишком... Ты никогда даже не пыталась меня понять... Я, конечно,

могу уйти, но мне тебя жаль... Ведь потом сама будешь жалеть, будешь плакать... А будет поздно. Ведь по большому счету ты сама во всем виновата... Командировки, дежурства... а я не тупой... – Вини погрозил кому-то невидимому огромным кулаком. – Я все понимаю, поэтому просить прощения не буду... Не за что... Предлагаю просто все забыть. Мы же с тобой все-таки интеллигентные люди. – Он замер, подбирая слова для продолжения, но вовремя остановился, увидев выражение лица Катерины, а главное, молоток, который она крепко сжимала в руке.

– Если ты сейчас не уберешься, я тебя убью, – глядя ему прямо в глаза, ровным голосом произнесла она, и Вениамин, несмотря на состояние выраженной степени «остекленения», как-то сразу этому поверил и, выпустив из своих рук дверной косяк, в одних трусах, оловянной походкой вслед за своей «подругой» переместился на лестницу. Его дама в полной экипировке, не дожидаясь завершения драмы под названием «конец семейной жизни», уже быстро тарактела на своих высоченных каблуках вниз по ступенькам. Катя, не выпуская молоток из руки, вслед бывшему «любимому» выкинула его обувь и собранную в дополнительную кучу верхнюю одежду, в беспорядке громоздившуюся на вешалке. Захлопнув за ними дверь, она так отшвырнула «ударный инструмент» в сторону, что тот с грохотом пролетел через весь коридор и закончил свой путь в большой комнате, что было ознaменовано звоном бьющегося стекла.

– Ваза, хрустальная, одна штука, – по характеру звука определила она понесенные потери и добавила: – Да, расставаться надо красиво и интеллигентно, вот как я сейчас. Хорошо еще молоток оказался под рукой, а то эта катавасия на всю ночь могла растянуться.

Оружие возмездия – тот самый молоток, который так вовремя попался ей в руки, – валялся в коридоре с того момента, как она уехала в Москву. В последнюю минуту перед выходом из квартиры ей пришлось прибавить крючок к вешалке, так несвоевременно оторвавшийся, когда она снимала с него свое полупальто. На Вини в бытовых вопросах не было никакой надежды: он был выше занятий хозяйственными мелочами, да и не только мелочами, но и средними, и большими делами, живя по принципу «не для царей холопские заботы». Поэтому забивание гвоздей, замена перегоревших лампочек, владение в совершенстве вантузом, как и многое другое, стали ее прерогативой. Легче было сделать самой, чем вступать с ним в многочасовые дебаты, стараясь объяснить, почему некоторыми делами в доме должен заниматься именно мужчина, а не женщина.

Достав из дорожной сумки вино и раскупорив бутылку, она налила рубинового цвета жидкость в чашку, разбавила водой и залпом выпила. Электронные часы показывали начало второго. Жаль, нельзя позвонить Наталье и пообщаться с ней по поводу Вини: «Ах, твой Вини! Такой фактурный (надо же подобрать словечко), красавец, эстет, интеллектуал, а какие манеры (!) (это был намек на Никитоса, который, по ее мнению, не обладал ни первым, ни вторым, ни третьим). Вот у Вини сразу видна порода, голубая кровь». Интересно, как бы Наташка смогла объяснить экзотическое сочетание «голубой крови», трусов с перчиками и особы со сниженной социальной ответственностью, которой красная цена в базарный день – три рубля и полтора сдачи по нынешнему курсу. В отличие от ее «породистого» Вини Наташкин Никитос вкалывал до седьмого пота, полностью обеспечивая семью, и, кстати, весьма неплохо обеспечивал. Кроме того он мог не только сам забить гвоздь, отремонтировать сантехнику и электропроводку, но еще очень и очень много чего, а главное, обожал Наташку и двух погодков сыновей, крестников Катерины. Никитос не пил, не курил, правда, цветы Наташке дарил редко и не называл тещу «мамой», так как его жена давно была круглой сиротой, и «погибший» коньяк предназначался именно ему.

– Вот гад какой! – произнесла она вслух, подразумевая в этом случае не тех, кто принадлежал к классу пресмыкающихся, а конкретно своего мужа. – И как он им не подавился?! – последнее относилось уже к благородному напитку. Об его утрате она жалела больше, чем о разрушенном семейном очаге. Да и был ли на самом деле, этот очаг, или только види-

мость, картинка, как на холсте в каморке папы Карло? Странно, но она не испытывала, как часто описывают в романах, разрывающей душевной боли, не было «неудержимого потока слез», и «израненное» сердце не обливалось кровью и не рвалось наружу. Теперь даже мысленно она не могла себе представить Вини, Вениамина Валентиновича, тем человеком, с которым и в радости, и в горе, и пока смерть не разлучит. Сейчас ей было досадно до зубного скрежета, что в свое время она повелась на эти «охи-вздохи под луной», а потом просто категорически отказывалась задумываться о происходящем. А эти постоянные жалобы, что его нигде не понимают, не ценят, зажимают, не дают расти на кафедре, и никому в этом мире не дано понять его «души великие порывы». Она, взрослая и неглупая женщина, никак не могла поверить в очевидное – что ему просто была нужна домработница без запросов, да еще способная прокормить не только себя, но, главное, его, такого неприспособленного к реалиям жизни, «чувствительного и ранимого». «И тут раз! – вот она я. Тут как тут: „Кому нужна даровая рабсила?!“ Я здесь, кто меня искал?» Получилась обычная женская забава – влюбиться в мелкого мерзавца и доказывать всем, в том числе и себе, что он самый лучший в мире.

Все к чертям собачьим, лучшее лекарство от глупых мыслей, воспоминаний и депрессии – это работа, в данный момент – работа по дому. Кто-то хорошо пошутил, что «квартирка – скворечник, а начинаешь убирать – пентхаус», и это именно ее случай. Катерина умыла лицо холодной водой, стараясь убрать с себя всю ту липкую гадость, с которой пришлось столкнуться, и на максимально возможной при данной ситуации мажорной ноте приступила к уборке. Первым делом из комнаты были выметены осколки вазы и вынесен молоток: осколки она выбросила, а молоток, чуть подумав, оставила в коридоре, положив его под вешалку на тумбу для обуви, резонно решив, что иногда бывает полезно держать его под рукой. Вторым этапом было извлечение из кладовой огромного и зверски тяжелого (даже без вещей) кожаного чемодана – подарок свекрови на их свадьбу. Еще тогда у Катерины возникло подозрение, что Сильфиде Авраамовне было жаль его выбросить, а хранить, несмотря на огромные размеры ее квартиры, было негде, поэтому она им его и сбагрила, да еще с такой помпой, будто в нем находился весь золотой запас Российской Федерации. Чемодан занимал большую часть кладовой и никогда не использовался по прямому назначению. При желании в нем можно было спрятать достаточно крупного человека, причем целиком.

Кое-как разместив это страшилище в небольшом коридорчике, Катя стала сваливать туда вещи своего, вдруг так внезапно ставшего «бывшим», мужа. Куча росла как на дрожжах и в высоту, и в ширину. Чтобы крышка чемодана все-таки закрылась, Катерина, решив не отказывать себе в удовольствии, с силой утрамбовала этот вещевой Эверест ногой. Дабы застегнулся замок-молния, крышку пришлось придавить сверху всем телом. Злясь на весь белый свет и пыхтя от натуги, Катерина решила обмотать чемодан скотчем, если замок сейчас не поддается. Вид будет бомжеватый, но это уже не ее проблема. Замок посопровивлялся, но в конце концов закрылся. Поднимаясь с чемодана, Катя уже твердо знала – с семейной жизнью покончено. Последними в боковые карманы пошли умывальные принадлежности и дорогой мужской парфюм. В отдельную сумку она без всякого душевного трепета запихнула «макулатуру», которая до этого гордо именовалась «моя диссертация», и его ноутбук. Любое воспоминание, фото, вещь, связанная с ним, перекрывались образом девицы с оранжевыми кудряшками и волной физической брезгливости сметало на своем пути все, что было хорошего в их общем прошлом. Уборка квартиры съела остаток ночи. Постельное белье, полотенца из ванной, которыми могла пользоваться дама «полусвета», остатки коньяка, осколки вазы – все было собрано в огромный пластиковый пакет и выдворено на лестничную клетку с целью дальнейшей утилизации. Потом до блеска была выдраены ванная, кухня, коридор; в спальне была протерта вся мебель и даже в доступных местах обои. Вычищено и вымыто было абсолютно все, к чему эта «дива» могла прикоснуться даже гипотетически. По ходу уничтожались все фото Вини, даже те, где он едва просматривался на заднем фоне.

Закончив с уборкой и сбором вещей «бывшего», она пришла к выводу, что никогда не поздно начать жизнь с чистого листа и в любой ситуации можно найти свои плюсы. Например, сейчас у нее появилось огромное количество свободного места в шкафу и кладовке, а по углам квартиры теперь не собирают пыль кипы никому ненужных бумаг. Выпив кофе, она сбежала в ближайший строительный магазин, купила новый дверной замок и уже по дороге домой вызвала слесаря, чтобы он тут же его поменял. Слесарь из их жилищного управления не гнушался частными заказами, работу делал хорошо и оплату брал в пределах разумного, с учетом не только сложности ремонта, но и социального положения заказчика. С пенсионеров, инвалидов, матерей-одиночек брал поменьше, со всех остальных – как получится. Он был настоящим мастером – старый замок удалил с минимальными потерями для двери, а затем аккуратно приладил новый. За это время они успели поговорить о мировой политике – куда катится весь мир? О ценах – кошмар какой-то, о жизненных перипетиях – все печально. Несмотря на общность взглядов, это не помешало ему содрать с нее двойную цену (врач, работает, плюс выходной, да еще и за срочность).

Закрыв за ним дверь, Катя пришла к заключению, что не только вся жизнь, но и все лучшее, конечно, еще впереди, главное, в это верить, и тогда все получится... Ну, может быть, получится. Настойчивая трель дверного звонка не стала полной неожиданностью, так же как и светящееся «полувиноватой» улыбкой лицо Вини. «Как денди лондонский одет», благоухая дорогой туалетной водой, блудный муж, свеж как майское утро, с видом «а что, собственно, такого криминального произошло?», объявился прямо ко времени кормежки, то есть к обеду.

– Котенок, ну не сердись, – продолжая улыбаться, начал он явно заранее подготовленную речь. – Понимаешь, мне нужна была разрядка, снять стресс. Ведь научная среда – совершенно другой уровень отношений. У тебя все просто – пришли, покричали, родили и ушли. Раньше бабы вообще в поле рожали и ни о каких родильных домах знать не знали. У меня психологические нагрузки несоизмеримы с твоими, и, конечно, в какой-то момент мне потребовалась определенная разрядка, новые ощущения. Наконец, мужчины по своей природе полигамны, потому что именно мужчины – это альфа-самцы и на них все держится. Но не стоит расстраиваться, ведь по большому счету люблю-то я тебя одну. Ну, подумаешь, гульнул на сторону, ну и что, дело житейское...

– Так говорил мужчина в полном расцвете сил, – перебила его Катерина. – Правда, у него был пропеллер на спине, кнопка на животе, и жил он на крыше, а теперь пошел вон, самец с Альфы.

Навалившись всем телом, она вытолкнула на лестничную площадку чемодан, за которым последовала сумка с диссертацией и ноутбуком. Перед тем как закрыть дверь, холодно добавила:

– На развод подам сама, так что не надрывайся, и больше не приходи и не звони. Инцидент, который мы по недоразумению считали браком, будем считать исчерпанным.

Напоследок, закрывая дверь, Катерина услышала, что она «последняя дура и еще пожалеет». Первое вызвало у нее определенное сомнение, а вот со вторым она и вовсе была категорически не согласна, но решила не вступать по этому поводу в полемику, ведь что-либо ему доказывать – это все равно что метать бисер перед определенной категорией животных. Наталье она не позвонила ни в этот день, ни на следующий. Экзальтация по поводу того, что она так лихо расправилась с «бывшим», прошла быстро, и накатила усталость и пустота. Катерина не жалела о своем поступке. Где-то на уровне мозжечка она уже давно понимала, что их отношения зашли в тупик и рано или поздно все должно было закончиться, может быть, не сейчас и не таким образом, но закончиться должно было обязательно. Ну и ладно, не она первая, не она последняя. Утешение, конечно, так себе, но она «большая девочка» и обязательно со всем справится.

Разобравшись таким образом с семейными взаимоотношениями, теперь можно было полностью сконцентрироваться на работе. Там ее ожидало внеплановое дежурство – у кого-то заболел ребенок – и очередной выговор за нарушение трудовой дисциплины (самовольный уход с конференции без уважительной причины). Апофеозом, или апофигеем, прозвучало последнее предупреждение: не истек срок выговора, который последовал из-за жалобы VIP-клиентки. Катерина (да как она посмела?) сделала ей замечание, что не надо разбрасывать грязные подгузники по палате (на полу их лежало пять или шесть штук), и указала «ее высочеству-величеству королевишне», что для них есть специальное ведро, которое находится рядом с пеленальным столиком. Пациентка – далеко «не принцесса и не королевишна», а дебелая девица, похожая на страдающий акромегалией побочный продукт ГМО. То есть, кроме огромных губ, ресниц и груди, она еще имела необъятную филейную часть, плечи как у борца и ножку, своими размерами наводящую на мысль не о хрустальной туфельке, а скорее о лапах аквалангиста. «Дюймовочка» тут же заявила, что «кому эта грязь мешает, пусть тот и убирает», и сразу накатала жалобу, где в двадцати строчках сделала тридцать шесть ошибок. Все дружно посмеялись, включая начальство. Затем было ристалище, возглавляемое главным врачом, и как итог – выговор, потому что нечего быть такой умной и делать замечания, а надо было самой всю эту грязь убрать. Ну и что, что врач и что обязанности другие, конечно, было бы совсем здорово, если бы она – Катерина Аркадьевна – еще и к ручке бы приложилась этой, которая из «грязи в князи». Последнее они не произнесли, но подтекст показательной порки был именно таким.

Света, увидев приказ об очередном выговоре, вынесенном теперь уже не без ее участия, покрылась красными пятнами и, воровато пряча глаза, постаралась вначале объяснить Катерине, что она тут ни при чем и понятия не имеет, откуда там, наверху, смогли узнать, что у них здесь, внизу, ну, то есть абсолютно себе этого не представляет. Катя слушала с равнодушным молчанием, с тоской думая о том, что для данного существа, чтобы быть поближе к власти и дежурной «тарелке супа», действительно «нет преград ни в море, ни на суше», и, вдруг испытывав жгучее чувство «испанского стыда», развернулась и ушла, не дослушав несущегося ей вслед жалкого лепетания. После этого Светлана старалась не попадаться ей лишний раз на глаза, а если вдруг складывалась ситуация, что им было не разминуться, делала крайне озабоченную мину и, ускоряя шаг, пробегала на максимально допустимой скорости. По большому счету Катерину это все мало волновало: выговором больше, выговором меньше, ну сдали, а в принципе, чего она ожидала? Что «молодой специалист» ее грудью прикроет? Да, скорее всего, «восходящая звездочка» еще из Москвы главному позвонила и доложила, что она, Катерина Аркадьевна, самовольно покинула конференцию. Что было, то было. Самовольно – да, покинула – да, выговор – заслужила? По большому счету да. Закон суров, но это закон. Мужа выгнала за дело? За дело. Вот вроде все правильно. Тогда почему на душе такая хмури? Надо срочно выйти из сумрака, а то так до депрессии рукой подать.

После поездки в Москву все стало разваливаться и рассыпаться. Даже отношения на работе – конфликты начали возникать из ничего, буквально на ровном месте. Особо усердствовала Людмила, заведующая родовым отделением, высокая сухопарая дама далеко за пятьдесят. Ее характер, как и фигура, состояли из одних углов. Резкая, вспыльчивая, сразу влетающая в истеричную злость, у нее и при хорошем-то настроении на ярко разрисованном лице сохранялось выражение вечной неудовлетворенности, а в ярости оно и вовсе представляло собой отталкивающее зрелище. Испытывая нездоровую любовь к ярко-синим теням и бордового цвета помаде, стараясь выглядеть моложе, она как-то в одночасье из жгучей брюнетки превратилась в яркую блондинку, и поздно вечером столкнувшись в полутемном коридоре с пожилой акушеркой, едва не довела ту до инфаркта. Людмила стала демонстративно избегать общения, а если возникала «производственная необходимость», во время разговора старательно изображала глубокое презрение и брезгливо поджимала губы, мол, с кем только

не приходится здесь общаться. Из-за полного отсутствия личной жизни она особо «выделяла» тех, кто был замужем или вообще имел хотя бы какие-то намеки на эту самую личную жизнь. К начальству это никоим образом не относилось. Только восхищение и почитание, вплоть до «слепого обожания». Кроме всего прочего, она неизвестно по каким причинам негласно покровительствовала «очень многообещающему созданию» – Светочке, чем и объяснялось резкое изменение климата в их с Катериной отношениях. Заведующая дородовым перешла в обращении с ней на высокомерное «вы» и сама стала откликаться только на Людмилу Михайловну, заодно начав понемногу пакостить, вроде по мелочам, но часто. При составлении графика, слегка подсуежившись, устроила так, чтобы в следующем месяце все Катины дежурства попали на выходные и праздничные дни, а после общения с начальством внезапно «возникла производственная необходимость» перенесения ее отпуска с конца мая на февраль. Все катилось в тартарары, а о личном Катерина старалась вообще не думать, как там в свое время пел Максим Леонидов: «ну, вот только если с личным...», да, если б только с личным... Сейчас у нее со всех сторон был «один большой привет».

– Катерина Аркадьевна, – в дверном проеме ординаторской появилось растерянное личико Анечки, акушерки родильного отделения, – Катерина Аркадьевна, вас Ольга Петровна в пятый родзал просит зайти.

Посторонние мысли, в том числе и о личном, исчезли в мгновение ока. Она подхватила, как на пожар, и бегом ринулась в родилку. Ольга Петровна, опытный, зрелый доктор, много лет проработавшая в родильном доме, просто так звать не будет. Здание было старое, между ординаторской и непосредственно родильным отделением была небольшая площадка, ограниченная тяжелыми деревянными дверями. Толстые стены царской постройки не могли заглушить дикие, рвущие тишину крики. Ворвавшись в палату, Катерина застала расстроенную Ольгу Петровну, которая безуспешно пыталась успокоить лежащую на кровати и орущую во всю мощь своих легких молодую и очень ухоженную женщину с явно доношенным сроком беременности.

– Что случилось? – невозмутимо, будто ничего такого особенного не происходило, поинтересовалась Катя, присаживаясь на край кровати и положив руки на значительно увеличенный за счет беременности живот женщины. Схватки не было, но та продолжала кричать так, будто ее резали по живому.

– Она как поступила, так все время и кричит, – с плохо скрываемым раздражением произнесла Ольга. – Роды только-только в самом начале. Была пара небольших схваток, но она кричит даже тогда, когда их нет.

– Меня зовут Катерина Аркадьевна, я ответственный доктор, – как можно мягче представилась Катя и, взяв датчик кардиотокографа, начала искать сердцебиение плода. – А вас как зовут?

Ответом было громкое, душераздирающее «А-а-а-а-а-а-а!!!», потом перехват дыхания – и с новой силой: «А-а-а-а-а-а-а-а!!!»

– Оксана, Оксана Николаевна она, – подсказала Анечка.

– Оксана Николаевна, – водя датчиком по животу, стараясь максимально сохранить спокойствие, тихо продолжала Катерина, – когда вы кричите, малышу не поступает кислород, а от его недостатка первым страдает его сердечко и головной мозг, тем более схваток-то нет. Зачем вы кричите?

– Схваток нет, но они же будут, и будет больно, – вдруг совершенно спокойно произнесла Оксана, – поэтому я хочу кесарево сечение, а на его головной мозг мне наплевать. Я еще молодая, мне вообще этот головняк не нужен. А-а-а-а-а-а!!!

– Хорошо, – спокойно произнесла Катя, услышав ритмичное биение, – но у вас на животе останется шрам, рубец, и послеоперационный период бывает весьма некомфортным...

– А большой рубец? – тут же прекратив ор, заинтересовалась Оксана.

– Ну, достаточный, ведь надо целого ребеночка вытащить, – и обернувшись к Ольге, Катерина с полной серьезностью добавила: – Ольга Петровна, скажите анестезиологам, чтобы разворачивали операционную, у нас сейчас планируется кесарево...

– Постойте, как вас там, Катерина Аркадьевна, ведь рубец – это некрасиво, я хочу лапароскопию. Если вопрос в деньгах, то проблем нет, мой... э-э-э... друг, ну, отец ребенка – он заплатит.

– Простите, – растерялась Катерина, – вы хотите, чтобы кесарево сечение сделали лапароскопически? Я вас правильно поняла?

– Ну да, а что тут непонятного? И быстро с этим закончим.

– Оксана Николаевна, это невозможно, кесарево сечение – это полостная операция.

– Сколько?

– Что сколько? – растерялась Катя.

– Сколько стоит ваше согласие? – холодно и совершенно серьезно спросила Оксана. – Я же вам пообещала, что вам заплатят.

– Оксана Николаевна, я вам еще раз повторяю: операция кесарево сечение была, есть и будет полостной операцией.

– Каменный век какой-то, – склочным голосом произнесла Оксана Николаевна и привычно надула губы. – В цивилизованных странах наверняка умеют это делать по-другому. Даже азиаты, китайцы или вьетнамцы, ну, эти, как их, хелперы, нет, киллеры, ну, короче, те, которые оперируют голыми руками, и потом рубцов нет.

– Хилеры, филиппинцы, – взяв себя в руки, спокойно подсказала Ольга Петровна.

– Вот-вот, они, но у вас, конечно, никто так не умеет, – скорее констатировала факт, чем задала вопрос, Оксана Николаевна.

– Нет, никто, – согласилась с ней Катерина. – И филиппинцев в нашем коллективе тоже нет.

– Ну так учиться надо, а то только и знаете деньги вымогать и ножами размахивать...

Зазвонивший в кармане халата Катерины мобильный прервал эту гневную, обличающую мздоимцев в белых халатах тираду. Выхватив телефон, Катя не успела даже слово сказать, как трубка телеграфным текстом выдала: «Кровотечение. Уже поднимают в операционную. Анестезиологи разворачиваются. Срок доношенный, сердцебиение плода редкое, но есть. Неонатологи в курсе...»

– Оля, быстро в операционную! Похоже, отслойка. Ты мне ассистируешь, – и вернувшись к лежавшей с ошарашенным видом Оксане Николаевне, уже спокойно закончила: – У нас экстренная ситуация. С вами рядом будет высококвалифицированный и очень опытный доктор. Как только мы освободимся, тут же подойдем к вам.

Обернувшись в дверях, она ободряюще улыбнулась Оксане и не вышла, а скорее вылетела из палаты. Операционная была на одном этаже с родильными залами. Быстро, почти бегом пересекая широкий коридор, Катерина на ходу резким голосом позвала юное создание, которое, скукожившись в неудобной позе за небольшим столом, в поте лица что-то активно писало:

– Александра, бросай все, потом историю допишешь. Быстро в пятый родзал, там пациентка очень нуждается в слушателях. Постарайся ей доходчиво объяснить, как себя правильно вести в родах и для чего это нужно. И ни в коем случае с ней не спорь, даже если она будет нести абсолютную чушь.

Ординатор первого года, к которой обратилась Катерина, до этого момента, прикусив от усердия нижнюю губу, старательно заполнявшая историю, тут же бросила писанину и метнулась в указанном направлении. Пожалуй, только в акушерстве тишина и спокойствие могут быть столь обманчивы. Порой ничто не предвещает бури, и она накрывает, вдруг возникнув из ниоткуда, на фоне благостного покоя, и буквально из ничего. Никто из опытных и уважающих себя врачей акушеров не сможет дать стопроцентную гарантию, что роды пройдут на ура.

Первые, вторые... пятые, любые. Везде могут таиться «подводные камни» или «мины замедленного действия», и где и когда, на каком этапе они могут рвануть, одному Богу известно. В операционной стояла напряженная тишина, прерываемая отрывистыми репликами на медицинском сленге, мягким звоном хирургических инструментов, мирным гудением аппаратуры, обеспечивающей искусственную вентиляцию легких и контролирующей гемодинамические показатели пациентки. С начала операции и до момента извлечения малыша прошло чуть больше минуты. Ребенок был слишком маленьким для такого срока беременности, его тельце почти полностью помещалось на Катиной ладони, а ручки, ножки и голова беспомощно свешивались, как у тряпичной куклы. И он не дышал. Совсем не дышал. В одно мгновение была пересечена пуповина, и малыша передали детским врачам. В операционной было по-прежнему тихо, иногда звучали короткие фразы: «сушим», «зажим», «шить», «посмотрите, моча есть?», «как давление?»

– Живой, на «трубе», то есть заинтубирован, – тут же поправилась Анечка, на мгновение появившаяся в дверном проеме операционной и в мгновения ока пропавшая за ее пределами. И сразу отлегло от сердца, и стало легче, и лица просветлели. Операцию закончили красиво, кровотечение остановили и сохранили женщине возможность в будущем еще иметь детей. Оксана Николаевна, которой ординатор активно «заговаривала зубы», отвлекая ее от неприятных моментов, встречающихся во время родового процесса, справилась самостоятельно и в положенное время произвела на свет прекрасную здоровую девочку, а потом еще два часа рыдала в голос, объясняя всем, как она счастлива и какая у нее дочь необыкновенная красавица и умница, ей всего ничего от роду, а у нее уже такой осмысленный взгляд. И все этому радовались, и еще были роды, и еще операции, и опять роды. За ночь никто из бригады практически не присел, если только заполнить историю, а принесенные, завернутые у кого в фольгу, у кого в пакет бутерброды так и томились в холодильнике до утра. Когда же наступило временное затишье и была возможность выпить чай или кофе, то сил на это ни у кого не было.

На утренней конференции Катерина, как ответственный доктор, получила очередной нагоняй за то, что плохо написаны истории и присутствуют не только стилистические, но и орфографические ошибки, что, естественно, недопустимо, и вообще в историях не виден ход врачебной мысли. Совершенно неважно, что на трех врачей было тридцать пять родов, и все детки хорошие, и мамочки здоровы, а ведь иногда было непросто, ох как непросто, ну, как говорится, «кто на кого учился», поэтому бригада сидела молча, виновато понутив головы. После окончания разбора «ночных полетов», усвоив в очередной раз, что они ничего не знают, не понимают и не умеют, отдежурившие в радостном настроении, что все закончилось хорошо, в том числе и внеочередная раздача, и получение терновых венков, наконец добрались до хранившихся в холодильнике бутербродов. Все было съедено быстро, без разведения каких-либо политесов типа кружевных салфеток или японской чайной церемонии, да и другие возможные варианты тоже не рассматривались. Упаковки, в которых была еда, не разворачивали, а разрывали самым неэстетичным образом, кушали стоя, болтая, смеясь и перебивая друг друга. Вспоминали интересные моменты, которые случались во время любого дежурства, и не было сказано ни единого слова о тех сложностях, с которыми пришлось столкнуться, и что от этого зависела чья-то жизнь, а иногда и две, и чего это им всем стоило, всем, кто сегодня отстоял на переднем крае.

По дороге с работы Катя успела заскочить в магазин и еще заехать в суд, чтобы подать заявление на развод, для чего, специально пересев на другой автобус, сделала приличный крюк. Очередь в суде оказалась безнадежно большой и состояла из одних женщин. Они были разного возраста и, судя по одежде (от заношенного пальто и стоптанных сапог, по-видимому, купленных еще во времена царя Гороха, до жилета из меха экзотического животного и бриллиантовых колец почти на каждом пальце), разного социального статуса. Единое у всех было одно – выражение лиц – холодная и решительная отчужденность. Трезво оценив свои силы после суточного

дежурства и полное отсутствие желания умереть в ожидании, когда подойдет ее очередь, она пришла к выводу, что подать вожделенное заявление можно и через пару дней. Конец света от этого не наступит, главное, что решение принято и возврата к прошлому нет.

Дома после горячего душа, не испытывая даже тени сомнений, она легла в гостиной на диван, закрыв поплотнее дверь спальни, при этом подумав, что хорошо бы ее заколотить – но это в другой раз. Накрывшись с головой толстым пледом, Катерина попыталась подумать о планах на следующий день. За внеплановое дежурство и ударный труд начальство «с барского плеча» дало выходной, и это было здорово, но мысли стали путаться, и она, казалось, только прикрыла глаза – и тут же кто-то требовательно позвонил в дверь. Темнота за окном говорила, что уже наступила ночь, а ярко светящиеся цифры электрических часов – что она проспала добрых пять часов. В десятом часу ночи и так настойчиво к ней мог ломиться только один человек. Кое-как поднявшись с дивана, Катя, не торопясь, с покорным видом принятия неизбежного побрела в прихожую, даже не посмотрев в «глазок» и не спросив «кто там?», открыла дверь. На лестничной площадке, намертво прилипнув к звонку, стояло весьма замурзанное и одетое явно не по сезону «нечто». Распахнутое оливкового цвета пальто из жаккарда (которое скорее было рассчитано на середину весны, а не начало октября) демонстрировало шикарный некогда костюм от Гуччи. «Нечто» икнуло, обдав Катерину спиртным амбре, и попыталось оторвать палец от звонка, чей непрекращающийся трезвон не только разогнал остатки полусонного состояния хозяйки квартиры, но и начал пробуждать «жажду крови». Другой рукой, крепко сжимая в ней початую бутылку коньяка, незваная гостья с манерной грациозностью попыталась убрать с лица спутанные волосы и, резко покачнувшись, едва не упала.

– Где ты шлялась? – снова икнуло «нечто» и вновь угрожающе качнулось назад. – И чего так долго не открывала?

Эта неопрятного вида пьяная особь была соседкой по лестничной площадке. Она переехала в их дом почти полгода назад после какого-то жуткого скандала со своим «папиком». То ли он ей изменил, и она его застала, то ли наоборот, он ее застал с кем-то в самый неподходящий момент, но следствием был скандал, после которого последовало изгнание с «волчьим билетом» из «Эдема» для нуворишей и пожизненная ссылка в спальный район Питера со старенькими хрущевскими пятиэтажками и одинаковыми панельными девятиэтажками брежневских времен. Печальную историю низвержения с заоблачных вершин материального благополучия с разными вариациями Катя выслушивала минимум пару раз в месяц. Про «жаккард» и «Гуччи», а также о других шедеврах текстильного, кожно-галантерейного и ювелирного искусства она, не очень разбирающаяся в высокой моде, знала со слов бывшей первой леди Рублевки. Та не только рассказывала, но и с удовольствием демонстрировала некоторые из оставшихся у нее предметов былой роскоши. Правда, эти «шедевры» имели весьма потрепанный вид, впрочем, как и сама жертва неразделенной любви к олигарху. Нона – именно так представилась эта «дива» в первый день появления в своих новых «апартаментах», то есть однокомнатной квартире с пятиметровой кухней и совмещенным санузлом. Эта высокая и скорее худая, чем стройная, блондинка сразу ринулась знакомиться с ближайшими соседями. Из тех троих, кто еще проживал на их лестничной площадке, только Катя (Вини не было дома), услышав звонок, открыла дверь сразу и настежь (решив, что муж пораньше пришел домой)... и тут же стала «лучшей подружкой» этого «секс-символа всех времен и народов», или «рублевской селедки», как дружно окрестили ее местные бабульки.

– Опять ключи потеряла? – вопросом на вопрос ответила Катя и, подхватив под руку пьяную в дым соседку, втащила ее в полумрак прихожей, тем самым предупредив очередную попытку Ноны рухнуть на бетонный пол. Та после удачной расстыковки со звонком, потеряв точку опоры, конкретно вознамерилась поменять вертикальное положение на горизонтальное, но, подчинившись «превосходящим силам», хотя и с видимым трудом, все же смогла сохранить изначальную позу. Не оказывая сопротивления и даже не попытавшись снять сапоги (видимо,

решив понапрасну не рисковать жизнью), соседка, свободной рукой цепляясь за стены, чтобы не упасть, – габариты коридора не были для этого предусмотрены – вихляя всем телом, будто совершая дефиле по подиуму, протопала прямо на кухню, заметно прихрамывая на левую ногу. Глядя на ее экзотическую походку (куда там участницам бразильского карнавала!), Катя подумала, что не снимать обувь – это было правильное решение, хотя, скорее всего, такая мысль даже не возникла в нетрезвой голове соседки. Достигнув заветной цели – кухни, та с чувством явного облегчения рухнула на ближайший стул и, откинувшись на спинку, расслабилась. Осмотрев мутным взором помещение, без всяких церемоний (чего уж там) Нона с такой силой поставила на стол початую бутылку, что при этом едва ее не расколола. От звонкого удара вздрогнул не только весьма хрупкий предмет мебели отечественного производства, но и хозяйка квартиры.

– Ты что так хромаешь? – ради приличия поинтересовалась Катерина, с тоской думая о том, что, судя по тому, как основательно устроилась соседка на стуле, сейчас в очередной раз последует долгая «песня», как было хорошо раньше, и как плохо сейчас, и что все мужики – «гады недобитые и большие сволочи» (вот этот аспект она совершенно не собиралась оспаривать). Кроме того, на полу теперь прослеживалась четкая цепочка следов от грязных сапог, и, следовательно, нужно будет на ночь глядя протереть полы.

– Каблук, блин, сломала, – заполняя жизненное пространство коньячным ароматом, с хмельной горечью произнесла Нона. – Так, блин, еще его и потеряла. Теперь сапогам триндец, надо выбросить, а ведь это же дизайнерская модель, это же Prada, блин... Еще мобильник потеряла, и ключи тоже... А ты все пашешь за копейки? Эх ты, нищета, – вновь переключилась она на Катю. – Небось, опять дежурила? А где твой «любимый, дорогой, единственный»?

– Тебя это не касается, и вообще лучше не нарывайся.

– Что, все-таки застучала? И неужели выгнала? – Нона залилась на удивление чистым и звонким смехом. – Эх, жаль, не видела.

– Так это было не впервые, и ты знала? Знала и молчала?

– Ха, так все знали, – хмыкнула та и, не поморщившись, сделала из бутылки большой глоток. – А чего говорить? Первыми всегда убивают тех гонцов, которые приносят плохую весть. Да ты бы и не поверила. У тебя... это... как его... комплекс жертвы...

– Я тебя не спрашиваю, какие у меня комплексы, ты со своими разберись, – начала раздражаться Катя. Но довести мысль до логического конца не успела – мобильный взорвался мелодией «О боже, какой мужчина». Вيني установил этот рингтон, чтобы она знала – это звонит именно он, и нет на свете такой причины, чтобы она не взяла трубку, если только не умерла, конечно. На экране высветилась улыбающаяся во весь рот физиономия бывшего.

– Ну? – холодно спросила она, жестом призвав Нону заткнуться, и вышла из кухни, стараясь сохранить хоть видимую приватность разговора. – Слушаю.

– Котенок, я не вовремя? – с запредельной душевностью зазвучал в трубке мужской голос.

– Я тебе не «котенок», документы на развод подала... – соврала она, не моргнув глазом. В конце концов, сегодня не получилось – подаст завтра или послезавтра.

– Кать, пожалуйста, очень надо встретиться и поговорить. Пожалуйста! Я прошу тебя! Мне есть чем тебя удивить! Поверь мне!

– Ты последнее время вообще не перестаешь меня удивлять, и говорить нам не о чем, лично я все, что хотела, уже сказала, а встретиться – так это не проблема. В суде. О дате заседания сообщу заранее. Я ради такого торжественного случая даже отгул возьму на работе.

Он попытался что-то еще сказать, но Катерина, не дослушав, отключила телефон, предвзительно внеся его номер в черный список. Вернувшись на кухню, она застала соседку находящейся все в той же расслабленной позе и продолжающей свой нескончаемый монолог. Видимо, она так и не заметила, что хозяйка куда-то выходила, и усердно продолжала развивать любимую тему.

– То, что ты его застукала, так это рано или поздно должно было случиться. Он и ко мне подкатывал, но у меня тоже есть принципы. С мужиками подруг – ни-ни, – на слове «подруг» Нона сделала выразительный акцент и, громко икнув, еще раз приложила к бутылке. – Ну, хоть бы стакан дала, видишь же, что мучаюсь – неудобно из горлышка, и себе доставай, тебе капелька тоже не помешает.

Катерина молча поставила на стол один sniffтер и придвинула его соседке, та не удивилась и, кивнув одновременно головой и почти всем телом, с глубокомысленным видом вдруг выдала:

– Вот напрасно ты с ним так, ну, подумаешь, сходил мужик на сторону. Хоть и плохонький мужичок, да свой, и вообще, верных мужиков не бывает, это только в кино: увидел – полюбил – потерял – и потом хранил ей верность до конца экранной жизни, ну, там полтора-два часа. И даже в кино это бывает очень и очень редко.

– Все сказала? – окончательно теряя терпение, резко оборвала ее Катя. – Когда мне будут нужны твои советы, особенно по личным вопросам, я обязательно тебе сообщу, а пока бери новый ключ – и гуд-бай. И еще, чтобы не ждать меня в будущем под дверью, ты поищи кого-нибудь другого, кому сможешь доверить связку с запасками от своей пещеры.

– Кать, ты не обижайся, – сразу сбавив тон, заныла Нона, глядя с печалью брошенной собаки на кучу одинаковых ключей, собранных на металлическом кольце. Оно было больше похоже на модульный браслет со множеством шармов-подвесок, апофеозом которых был брелок из настоящей кроличьей лапки. – Ты же знаешь, что, кроме тебя, у меня никого нет. Тетя Поля из сто восьмой квартиры смотрит на меня и не видит, будто я стеклянная, и даже не здороваются при встрече...

– Она тебе не «тетя Поля», – прервала ее Катя, – а Апполинария Евдокимовна.

– Плевать, – не меняя тона, продолжала та. – А этот ханурик и алкаш Жорик из сто десятой все время при встрече предлагает постель, если может говорить в этот момент, а сам на столетнего бомжа похож и воняет. Я, конечно, «голодная», но еще не настолько. И вообще, кроме тех, кто живет на нашей площадке, я никого в этом подъезде не знаю. И в этом городе у меня никого, кроме тебя, нет...

Она бросила перебирать ключи на кольце-браслете и начала усиленно тискать и мять несчастную лапку кролика, затем, наконец убрав с лица сальные волосы, преданно уставилась на Катерину огромными, в обрамлении нереально длинных ресниц, карими с поволокой глазами. Ее лицо, даже без косметики и опухшее от чрезмерного употребления спиртного, все равно было красивым.

– Ключей осталось девять, как жизнью у кошки. Слушай, а давай все-таки выпьем, я же вчера деньги получила. Папик стипендию прислал.

– Нет, спасибо, неделя была очень тяжелая... А насчет Жорика не беспокойся – у него любовь...

– Ага, «неделя была тяжелая», – не дослушав про романтическое увлечение соседа, пердразнила ее Нона и с явным осуждением в голосе добавила: – Как и предыдущая, и до этого. У тебя скоро два горба вырастет, как у верблюда. Только у того на спине, а у тебя один будет сзади, а другой спереди – для равновесия, – тут же пояснила она, увидев, как у Катерины удивленно взметнулись брови. – Это я так, для смеха пошутила. Ну, я, наверное, пойду. А можно ключи еще у тебя побудут?

– Конечно, пусть остаются, – устало согласилась Катя. Запал агрессивности угас так же быстро, как и разгорелся, и хотелось только одного – чтобы этот визит уже закончился. – И бросала бы ты уже пить, а то скоро на нашего Жорика будешь похожа.

– Ой, да ладно! – махнула рукой Нона. – От марочного коньяка еще никто не спивался, – и вновь отпила прямо из бутылки, несмотря на то что перед ней продолжал стоять толстобокий бокал.

– Коньяк ты пьешь первые десять дней после получения денег, вторые десять идет дешёвая водка, а последнюю декаду месяца от тебя и вовсе пахнет какой-то бормотенью.

– Ничего, ничего, скоро у меня будет столько денег, что можно будет принимать не только ванну, а целый бассейн из шампанского. Вот, Катя, ты когда-нибудь купалась в шампанском? – и она, видимо, вспоминая минувшее, мечтательно закатив глаза, едва не упала со стула.

– Белая горячка началась? – с осторожной «нежностью» любопытствовала Катерина. – Зеленые чертики по стенам не прыгают?

– Насмехаешься, а я серьезно. Ну, пусть не бассейн, но ванную обещаю. И еще виллу в Италии... Вот всем нравится Испания, а мне – Италия... Поедем вместе?

Возвратившись было в настоящее и быстро минув его, она вновь стремительно унеслась в будущее, при этом опять закатив глаза, но в этот раз на всякий случай держась за стол.

– Нет, не хочу ванны с шампанским, и виллы в Италии тоже не хочу, и хватит болтать глупости. – Катерина встала, всем своим видом показывая, что аудиенция закончена. Соседка, даже не стараясь скрыть своего глубокого разочарования, попробовала еще что-то говорить про горы золота, россыпи бриллиантов, про «молочные реки и кисельные берега», и что совсем скоро весь мир будет у ее ног. Наконец приняв как неизбежное, что пора уходить, поднялась и, продолжая бурчать себе под нос что-то о «неимоверных богатствах», вяло потащила в сторону выхода, оставляя за собой вторую цепочку грязных следов. Распахнув входную дверь, Катерина едва не смела с порога траурного вида даму. Та в этот момент тянула к дверному звонку худую, скрюченную артритом руку, туго затянутую в черную кружевную перчатку, что делало ее похожей на когтистую лапку какой-то птицы.

– Я так и знала, – произнесла ледяным тоном дама, поднимая вуалетку и крепя ее на кокетливо сдвинутой набок и вперед маленькой черной шляпке, чудом державшейся на пышно взбитых локонах. Перед глазами «восхищенного» зрителя предстали: ярко нарумяненные щеки, вишневого цвета губы (непомерно увеличенные ботоксом), растянутые пластическими операциями и теперь имеющие японский разрез глаза, которым черная подводка и полуопущенные веки придавали выражение томности, причем не только самому взгляду, но и всему лицу. Густой слой тонального крема скрывал мелкие морщины, превращая ее физиономию в застывшую маску. Нарощенные опахала ресниц, чья тяжесть не давала глазам раскрыться в полной мере, довершали образ Мальвины на пенсии.

– Я так и знала, – повторила маска. – Ты выгнала Венечку, чтобы устроить здесь вертеп...

– Сама ты вертеп, мумия сушеная, – оттеснив Катерину, вышла на авансцену Нона. – Я к Кате зашла ключ от квартиры взять, а ты, старая карга, небось притащилась, чтобы своего недоделанного пасынка обратно сбаврить.

Произнеся гневную тираду, соседка встала в боевую позицию, подперев бока кулаками.

– Брэк, – быстро произнесла Катерина, увидев, как чуть приоткрытые глаза свекрови стали угрожающе наливаясь кровью, а выщипанные в ниточку брови, где татуаж был сделан в виде прямого угла, что видимо по замыслу автора, должно было добавить ее томному взгляду выражение «легкого удивления», взлетели к корням волос, собрав кожу лба в жуткую гармошку. – Высокие стороны обменялись мнениями и одновременно покидают великосветский раут...

– Чего? Чего? – удивилась Нона, едва не выронив бутылку с остатками «живительной жидкости».

– Ты идешь к себе домой, а Сильфида Авраамовна заходит ко мне. Все, пока, до следующего ключа.

Катя, изобразив на лице радушную улыбку, похожую на оскал Дракулы, страдающего от зубной боли, настойчиво подтолкнула ее к выходу.

– Кать, если будут сложности, зови, я эту жертву пластики за свой счет в Египет отправлю, там Рамзесу невесту ищут...

Оставив последнюю реплику Ноны без комментариев, Катерина быстро закрыла за ней дверь. Сильфида Авраамовна не была родной матерью Вениамина. Свекор, несколько лет назад помпезно отметив свое восьмидесятипятилетие, хотя и был глубоким пенсионером, но оставался академиком, которого помнили и чтители. Заслуженный член Российской академии наук, лауреат множества премий, пожалуй, кроме Нобелевской, обладатель кучи как отечественных, так и зарубежных наград, вернувшись домой после банкета, прилег отдохнуть и больше не встал, во сне тихо и мирно отойдя в лучший из миров. Сильфида была его второй женой, старше пасынка чуть больше чем на десять лет и на тридцать лет моложе своего покойного мужа, Валентина Арнольдовича. Первая жена академика, мать Вениамина, умерла, когда сын приближался к своему сорокалетию. Возраст, внешность, полученное образование и воспитание – все предполагало, что он давно должен был перейти из образа «мальчика» в статус «мужа» и стать зрелой, сформировавшейся личностью. В принципе все так и выглядело, но только выглядело, и не более того.

– Смотрю, у тебя вечер визитов, – произнесла свекровь и, сбросив со своих хрупких плеч пальто из шерсти альпака, всем своим видом демонстрируя, что его дальнейшая судьба ей совершенно безразлична, знакомой дорогой прошествовала на кухню. Катя рефлексивно подхватила дорогую вещь, не дав ей упасть на грязный пол, и, не рискнув повесить его за воротник (петелька вешалки отсутствовала, а может, в этой модели и не была предусмотрена), замерла в нерешительности, не зная, куда пристроить это шелковистое чудо, да так и проследовала за свекровью, продолжая держать пальто в своих руках. Свекровь была невысокого росточка, очень миниатюрна и грациозна, в прошлом балерина, танцевала в Большом и Мариинке, правда, выше кордебалета как-то не пошло, но стать осталась, и, если бы не многочисленные пластические операции, почти полностью обездвижившие ее лицо, она бы выглядела значительно моложе своего биологического возраста.

– У тебя здесь дурно пахнет, я открою окно, а то дышать нечем, – продолжила она голосом, не терпящим возражений. – Да... скажи мне, кто твой друг... но я пришла говорить не об этом. Твои друзья – это твои проблемы, но Веня должен вернуться к себе домой, и это не обсуждается. Он мне все объяснил. Он глубоко раскаивается и очень страдает. Он обещал, что ничего подобного больше не повторится. Ты должна понять: мальчик ошибся, у него переходный возраст, и он все осознал.

Она замерла и, невзирая на то, что почти на голову была ниже Катерины, умудрялась смотреть на ту свысока, надменно оценивала эффект, который должна была произвести ее речь.

– Если вы, Сильфида Авраамовна, думаете, что я сейчас упаду перед вами на колени и в приступе благодарности за ваше рвение сохранить наш брак слезами омою вам ноги, то этого не будет, – Катя старалась говорить спокойно, не давая прорваться наружу раздражающему ее раздражению. – Но хочу напомнить, что вашему, как вы соизволили выразиться «мальчику», в этом году исполняется сорок четыре года, а переходный возраст, скорее всего, у него начался, когда он сделал свои первые шаги, и, судя по всему, закончится, когда сделает последнее. Кроме всего прочего, именно сейчас он находится у себя дома – там, где он прописан, а здесь все принадлежит только мне. Абсолютно все, начиная с бумажного носового платка и закатывая сломанной розеткой в коридоре. Эта квартира, если вы этого не знали, оставлена родителями мне в наследство еще задолго до того, как я встретила вашего «мальчика», поэтому здесь он не имеет права даже на самый последний ржавый гвоздь, и, если вы еще не в курсе, я подала документы на развод. Водички налить или сразу корвалол?

– Не хотела говорить, но ты меня вынуждаешь, – проигнорировав ее предложение, свекровь повернулась лицом к окну и, уходя взглядом в ночную тьму питерской осени, с явным трудом мучительно выдавливая из себя слова, продолжила: – Я встретила мужчину. Он моложе меня. Значительно моложе и не из нашего города. Приезжий. Я люблю его. Это последнее,

что мне осталось в этой жизни. Вениамин сейчас там не к месту. Катерина, я не в том возрасте, чтобы встречаться по гостиницам и съемным квартирам. Вениамин должен уйти.

– Но он и здесь лишний, – чуть успокоившись, тихо и как можно мягче произнесла Катя. – Я очень рада, что вы встретили интересного вам человека, но даже ради вашего счастья я категорически не могу превращать свою совмещенную двушку в коммуналку. Извините, но Вениамин больше не переступит моего порога ни в качестве мужа, ни в качестве любовника, ни даже в качестве простого знакомого.

– Ну что же, ты сделала свой выбор, – к свекрови тут же вернулись ее надменность и высокомерие. Она с каменным выражением лица обернулась к Кате, и будто не было только что никаких откровений. Теперь ее голос звучал холодно и отчужденно: – Придет время – и ты поймешь, что сейчас ты сделала самую крупную ошибку в своей жизни. Но будет поздно...

– Я совсем недавно слышала что-то подобное от Вениамина, – Катя тоже сменила тон на более официальный. – И еще насчет ошибки. Пока моей самой крупной ошибкой было это замужество.

Сильфида Авраамовна развернулась и, не глядя на Катерину, резко вырвала из ее рук пальто. Не проронив больше ни единого слова, она с царственной осанкой и гордо поднятой головой пошла к выходу. «Так, наверное, Мария Стюарт шла на эшафот», – подумала Катя, провожая ее в полном молчании. Говорить по большому счету было не о чем. Сейчас она не испытывала ни жалости, ни сочувствия к членам семейства покойного академика и тем более не испытывала потребности к самопожертвованию. Не тот случай. Закрыв за свекровью, она немного постояла, в тоске разглядывая грязный пол, затоптанный незваными гостями.

– Если сегодня еще кто-нибудь позвонит в дверь, я выйду в окно, – предупредила она вслух неизвестно кого. – Да, кстати, насчет окна...

Рассудив, что воздух в квартире уже достаточно свеж и ароматное ассорти из запахов коньяка, не очень чистой одежды и дорогого парфюма выветрился полностью, чтобы квартира не превратилась в район Крайнего Севера, она плотно закрыла настежь распахнутые створки. Затем, достав швабру, яростно выдраила пол в коридоре и на кухне.

– Что ж за жизнь такая? Как ночь, так или дежурю, или квартиру убираю, будто больше заняться нечем, – завершая уборку, бормотала она с раздражением. «Браслет» с соседскими ключами был возвращен на свое привычное место – на пустующий крючок вешалки в коридоре, при этом кроличья лапка, и так державшаяся «на честном слове», наконец оторвалась. Чертыхнувшись, Катя бросила ее на тумбу для обуви, решив, что пришьет на место эту «мечту любителей амулетов» завтра или послезавтра, ну, где-то на днях уж точно. Распечатав пакет с новым постельным бельем, перестелила диван, забросив собранное в комок использованное в стиральную машину, и, свернувшись уютным калачиком, попыталась вновь сосредоточиться на планах завтрашнего дня. Хорошо бы сходить в магазин, на этой неделе еще два дежурства, одно из них в субботу, надо купить что-нибудь вкусненькое. Дежурить в субботу – одно удовольствие, хотя раз на раз не приходится, но уже грело душу то, что на следующий день нет утренней конференции: не надо было отчитываться, и поэтому можно уйти домой без лишней нервозности. А потом... хотя почему потом, у нее уже началась новая жизнь, просто осталось пережить несколько неприятных моментов, и дальше уж точно все будет замечательно...

Утро следующего дня выдалось необыкновенно теплым, солнечным и радостным. Осень, запоздало о чем-то вспомнив, на прощание выдернула из рукава джокер в виде последнего дня бабьего лета. Небо было синим, солнце – ярким, кофе – на редкость крепким и ароматным, более того, Катерина даже успела вовремя подхватить турку с плиты, а именно тогда, когда его душистая «шапочка» только начала подниматься над медной горловиной. Поставленные накануне задачи и пути их решения испарились сами собой, не вызвав ни малейших угрызений совести. Здравомысленно рассудив, что магазины – явление постоянное, а хорошая погода осенью,

да еще в Питере, явление случайное, временное и непредсказуемо меняющееся, она пересмотрела текущие планы и приняла решение в пользу себя любимой. Прикинув свои финансовые возможности и количество перенесенных стрессов, она решила, что заслуживает небольшой праздник. Конечно, с поездкой в Лас-Вегас и Рио-де-Жанейро в очередной раз придется повременить (хотя, честно говоря, туда не больно и хотелось), но прогуляться по любимому городу, зайти перекусить в кафе, чтобы не готовить дома, посмотреть в кино что-нибудь незатейливое – почему бы и нет? Она теперь свободная женщина и начинает жизнь с чистого листа. Вот интересно, если каждое утро начинать с зарядки и установки, что сегодня у тебя будет самый счастливый день в жизни, на каком этапе это сработает, если сработает вообще? Хотя с зарядкой по утрам она, кажется, несколько погорячилась, и, сладко потянувшись, Катерина с удовольствием взлохматила волосы. Ее короткое каре не требовало ухода с применением «высоких технологий» типа дорожных желе, муссов, закрепителей и всяких там выпрямителей-закудрителей, поэтому она могла, не нанося значимого урона своему имиджу, запустив пятерню в волосы, сделать легкий массаж головы, чем регулярно и занималась. Настроение было презамечательное, и душа пела что-то невразумительное.

На улице вдохнув полной грудью запах влажной земли и сладость прелой листвы, она ощутила небывалую легкость, будто вернулась та прекрасная пора надежд, мечтаний и искренней веры, что мир представляет собой бескрайний океан праздника жизни... Так, как это бывает в юности. Во всяком случае – в ее юности. Теперь смешно вспоминать, но в то время у нее была полная уверенность, что впереди ждет дорога из желтого кирпича и после небольших трудностей, о которых даже не стоит задумываться, будет Изумрудный город с прекрасным принцем (Гудвин, даже несмотря на свое могущество, как возможный вариант рассмотрению не подлежал). Катерина, улыбаясь своим воспоминаниям, шла, с удовольствием загребая ногами опавшие листья, которые ковром устилали тротуар. Может, именно здесь и начинается волшебная дорога. Новая жизнь – это здорово, ощущение такое, будто чулком слезла старая больная кожа, а под ней оказалась новая, с золотистым отливом, чистая и здоровая. В кино она пошла на диснеевский мультфильм, при этом, не задумываясь, отказалась от фантастического блокбастера, мелодрамы и какого-то заумного триллера. Мультфильм был веселый, музыкальный, красочный, как ее настроение, и, конечно, с предсказуемым счастливым финалом. Давно, как давно она не испытывала такой легкости, а всего-то – хорошая погода, удачный выбор фильма и замечательное настроение.

Время подходило к обеденному, но в кафе, куда она зашла, было почти пусто. Катерина заходила сюда и раньше. Здесь был один зал – не очень большой, уютный, выдержанный в духе неоклассицизма, и весьма приличная кухня, от паназиатской до европейской, и, что особенно радовало, – весьма разумные цены. Устроившись у окна за небольшим, рассчитанным на двоих столиком, она развернула меню. Хотелось побаловать себя, и не просто «комплексным обедом», а чем-нибудь таким-эдаким вкусеньким, пусть оно будет чуть дороже, но «если очень хочется, то можно», тем более был повод – хорошее настроение.

От изучения и выбора блюд по вкусу и по карману ее отвлекли громкие голоса мужчин, сидевших в глубине зала за пару столиков от нее. Они будто только вышли из девяностых: крепко сбитые, лысые, одетые в похожие кожаные куртки. Издали эта группа чем-то напоминала героев известной рекламы даже «Эм-энд-Эмс», с одной только разницей – эти были одинакового цвета. Несмотря на неподходящее время, перед ними, кроме множества тарелок с едой, высились графины, содержащие явно не лимонад. Что называется, «братва гуляла». Катерина оглядела присутствующих посетителей: пожилая пара, закончив с трапезой, торопливо рассчитывалась с официанткой. В дальнем углу спиной к ней сидел мужчина и, видимо, в ожидании заказа работал на ноутбуке, не замечая ничего вокруг. Спор среди братков набирал обороты. Один из них, которому, видно, была неинтересна тема общего разговора, вальяжно откинувшись на спинку кресла и, увлеченно ковыряя в зубах зубочисткой, равнодушно осматри-

вал зал. Катерина не успела отвести глаза и, случайно встретившись с ним взглядом, изобразила на лице вышнюю, граничащую с легкой формой идиотизма степень равнодушия. Скользнув далее взглядом по интерьеру зала, она вновь уставилась в меню, одновременно стараясь придумать благовидный предлог, чтобы уйти.

– Привет! – прогундосил, усаживаясь к ней за столик, откормленный, лет тридцати молодец в кожанке с низким лбом, глубоко посаженными глазками-буравчиками и тяжелой нижней челюстью. – Привет! – еще раз повторил он и поставил на стол стеклянный графин с прозрачной жидкостью и два стакана, при этом перекатив разжеванную зубочистку из одного угла щелеобразного рта в другой. – А ты ничего, хоть и в возрасте. Люблю женщин постарше. Такие, как ты, занимаются сексом как в последний раз...

– Эй, подруга! – это уже неслось вслед проходящей мимо официантке. – Заказик прими! Нам тут столик накрой под водочку и учитывай, что я теперь с дамой, – при этом он залихватски подмигнул Кате.

Катерина, не поднимая глаз от меню, почувствовала, как на нее мутной волной начала накатывать злоба. Она знала за собой такую дурную черту, когда в момент опасности могла очертя голову кинуться в самое пекло, не думая о последствиях. Тип, сидевший сейчас напротив, вызвал у нее ни с чем не сравнимую антипатию. Чтобы не сорваться, она под столом с силой наступила себе на ногу и, не поднимая глаз, голосом, каким обычно говорила с пациентами, отличающимися пониженным интеллектом и плохим воспитанием, произнесла:

– Если вас не затруднит, пожалуйста, попробуйте поискать женщину своей мечты среди тех дам, что родились до «исторического материализма». Возможно, именно у них вы получите те ощущения, которых вам так не хватает.

– Хамишь, – с печалью в голосе то ли спросил, то ли констатировал новоиспеченный кавалер. – Это ты напрасно. Так и схлопотать можно.

– Вы мне угрожаете? – поинтересовалась Катерина и, подняв на него глаза, постаралась просчитать для себя возможные последствия, если она стукнет его по голове графином с водкой. При любых раскладах перспективы вырисовывались в мрачных тонах: от травм различной степени тяжести с преобладанием, судя по размерам его кулаков, все-таки тяжелых и до свежего земляного холмика с одиноким траурным венком. Однако, если положение будет безвыходным, все-таки стоит рискнуть.

В это время за столиком, где продолжали сидеть друзья этого «красавца», атмосфера накалилась до критического уровня, и наконец полыхнуло, да так, будто произошло извержение вулкана средней величины. Двое, прекратив ругань, вдруг резко вскочили из-за стола, при этом перевернув его набок, что сопровождалось грохотом и звоном бьющейся посуды, и дружно схватились в ближнем бою. Молча, со зверским выражением лиц они начали топтаться по осколкам, размазывая по полу остатки незавершенного банкета, при этом отчаянно пытаясь и с диким неистовством стараясь вытряхнуть друг друга из одежды. Третий, что-то усердно бубня, кружился вокруг трясущейся парочки, прикладывая усилия, правда без фанатизма, влезть между ними то ли с целью разнять, то ли с целью поучаствовать в завязавшейся склоке. Более высокий, внезапно отпустив полы куртки своего визави, нанес ему кулаком, похожим на молот, удар под дых, одновременно получив от того сильный контрудар головой в лицо. От полученных тумачов оба разлетелись в разные стороны, круша своими телами все, что попадалось на их пути.

Где-то громко завизжали официантки...

– Сиди и никуда не уходи, – приказал Казанова и, одним махом сбросив с себя куртку, ринулся в гущу событий. Бойцы, довольно быстро выбравшись из-под обломков разнесенных ими в щепки соседних столов и кресел, не переводя дыхание, вновь ринулись в бой и, столкнувшись корпусами, начали отчаянно молотить друг друга кулаками, при малейшей возможности пуская в ход ноги и части разломанной ими же мебели. В драку тут же вписался бывший «миро-

творец» и подоспевший несостоявшийся герой-любовник. Катя, решив, что при любом раскладе имя победителя ее не интересует, быстро направилась к выходу. Резкий рывок за плечо отбросил ее на недалеко стоящее и еще целое кресло.

– Я сказал сидеть! – прорычало склонившееся над ней налитое кровью лицо. Раздавшийся глухой удар и закатившиеся под лоб глазки-буравчики позволили сделать вывод, что клиент находится в процессе глубокого переосмысления своего поведения. Пошатнувшись, он стал заваливаться на бок до тех пор, пока благополучно не оказался на полу. За его спиной, с легким удивлением наблюдая за тем, как тело располагается у ног Катерины, сжимая в руках разбитый ноутбук, стоял мужчина.

– Я предлагаю покинуть это заведение и не мешать сим джентльменам обновлять здесь интерьер! И давайте поторопимся... – окончание его фразы потонуло в оглушительном грохоте.

– С удовольствием... – согласно кивнула Катя и быстро последовала за своим спасителем, который, перешагнув через поверженного соперника, уже стоял у двери, ведущей на улицу. Когда они садились в машину, драка в зале была в самом разгаре, а где-то вдали уже были слышны звуки полицейской сирены.

– Позвольте представиться, – заводя двигатель, произнес он, – Марк, Марк Станиславович. Непростое сочетание, поэтому лучше Марк. А как можно к вам обращаться?

– Катерина Аркадьевна.

– Катерина Аркадьевна, – вырulingая со стоянки, продолжал Марк, – я знаю здесь недалеко весьма приличное место. Там можно посидеть в спокойной обстановке и к тому же неплохо перекусить. Прошу простить меня за не деликатные подробности, но я зверски голоден. Вы ведь никуда не спешите? Может, вы не откажетесь составить мне компанию и отобедать?

– У меня сегодня масса свободного времени, и тем более мне тоже до неприличия очень хочется есть, – внутренне содрогаясь от собственной бесцеремонности, она тут же перешла к тому, что сейчас ее волновало больше всего. – Спасибо, что выручили меня там... Жаль, что пострадал ваш ноутбук, но, может, его еще как-то можно восстановить...

Он притормозил на светофоре, загоревшемся тревожным красным светом, и улыбнулся.

– Не переживайте, будем считать, что нам очень повезло: во-первых, в том, что я не успел уйти, – перехватив ее удивленный взгляд, тут же пояснил: – Деловой партнер позвонил буквально за пару минут до начала поединка, предупредил, что не может прийти. Позвонил бы раньше – и я бы раньше уехал. А во-вторых, в том, что ноут вовремя оказался под рукой. Честно говоря, я не ожидал такого эффекта от удара. Саму технику не жаль. Когда собираюсь выключить комп, наработанные материалы тут же сбрасываю на флешку – научен собственным горьким опытом. В данном случае это пригодилось как никогда.

Ресторан, куда они приехали, был в меру респектабельный и в меру демократичный, поэтому Катерина, сняв полупальто, в джемпере и джинсах чувствовала себя достаточно уверенно. Марк ухаживал ненавязчиво, демонстрируя безупречные манеры, при этом совершенно не вызывая у нее ощущения неловкости или чувство быть в чем-то ему обязанной. Он был прост в общении, но без пошлого панибратства, а еще он был красив, высок и хорошо сложен. Одежда не от кутюр, но дорогая и высокого качества. Возраст – чуть старше сорока. И она, подводя итог увиденному, вынесла безапелляционный вердикт – «мистер великолепии». Уже дома, поздно вечером, забившись в угол старого дивана, она, вспоминая проведенный день, не переставала удивляться, с какой легкостью он вызвал ее на откровения о работе, о разладившейся семейной жизни и о ней самой. Скорее всего, это была реакция на перенесенный стресс и на его такую искреннюю доброжелательность и внимание. Большинство из нас действительно больше любит говорить о себе, тем более с малознакомыми людьми. Хотя о себе он тоже рассказывал. Скупно. Не жалуясь, а скорее, как талантливый художник, несколькими яркими мазками писав-

ший картину своей жизни. Он владелец небольшого издательства, которое сейчас переживает не лучшие времена, так как печатные издания стали меньше читать. Разведен, и его бывшая, выйдя замуж, уехала в Америку, забрав с собой самое дорогое, что у него есть в жизни, – их общую маленькую дочь. И теперь он очень скучает по малышке, но не жалеет, что дал разрешение на выезд, ведь они там счастливы, а для него это самое главное. Катерина думала о том, что существует другая жизнь, как в параллельной реальности, – с другим уровнем взаимоотношений, кругом интересов и моральных ценностей. Как бы там дальше ни сложилось, но сегодняшний день дорогого стоил. Все было как в сказке: нападение разбойников, спасение прекрасным принцем, романтический обед, прогулка по городу и доставка прямо к подъезду с многообещающим прощанием, в котором прослеживалось продолжение. Это было сказкой, волшебным сном – оказывается, и в наше время чудеса возможны. Уснула она ближе к утру...

Весь следующий день она лихорадочно проверяла пропущенные звонки и сообщения на мобильном, но, кроме рекламных агиток о предоставляемых кредитах и открывшихся новых медицинских центрах, ничего больше не было. «Мистер совершенство» не звонил. Не позвонил он и на следующий день, и на третий, и на четвертый. Вначале она затосковала. Придумывая ему в оправдание массу весомых причин, вплоть до похищения инопланетянами, хотя в голове, как заезженный мотив, крутилось только одно: «истинный джентльмен не позвонит только в одном случае – если он умер, во всех остальных случаях он просто не хочет». Потом призналась себе, что у нее самой проблемы с головой и иногда стоит брать инициативу в свои руки. Что ей по большому счету мешало попросить у него номер телефона? Ну так, на всякий случай. Мол, если душа запросит общения с высокодуховной особью мужского пола. Так нет же, возомнила себя эдакой Белль, которая в виде благодарности за спасение дала свой номер и, окруженная свитой из принцев голубой крови, отбыла в Версаль. Еще бы за хорошее поведение шоколадку ему подарила на прощание. Нет, только она могла упустить такого мужчину, а ведь он практически был в ее руках. Может, это была компенсация, посланная ей свыше, за Вини, или это было новое испытание, а она вся такая оптимистка в розовых перьях. Пожалуй, второе было ближе к истине. Когда тебе около сорока, пора объективно относиться к своим потенциальным возможностям. Выпорол себя морально и доходчиво объяснив себе, что Шер в свои восемьдесят выглядит лучше, чем она, Катя тут же утешилась тем, что она может смеяться, а та даже улыбается с трудом. Постепенно чувство обиды на саму себя стало сходиться на нет, и она пришла к утешительному выводу, что этот вариант был просто не ее, и, как показывает жизненная практика, все, что случается, к лучшему. Хотя иногда этот тезис вызывал определенные сомнения. Удивительным было другое: последние дни вообще никто не звонил – ни в дверь, ни по телефону. Как-то все сразу, одновременно забыли о ее существовании. Спасала работа. Дежурства были «атомными», иногда не было времени даже воды попить, не то что беречь душевные раны. В субботу им сдали пустую родилку, но дежурная бригада, умудренная жизненным опытом, расценила это как затишье перед бурей, и та грянула после обеда. Казалось, все беременные с доношенным сроком решили родить именно в этот день и именно в их родильном доме. Поток был нескончаем.

– Катерина Аркадьевна, там во втором родзале папа скандалит, требует ответственного, – толкая впереди себя стойку с капельницей, на ходу проворчала Евгения Анатольевна – старейшая акушерка родильного дома, которая знала все и про всех до десятого колена. – В первом уже подтуживает, а «ребенок», – что в переводе на человеческий язык означало «клинический ординатор первого года», – в приемном покое принимает «тазовое».

– «Тазовое» рождает? – спросила Катерина, задержавшись перед входом во второй родзал.

– Так кто же его там знает? – нейтрально ответила Евгения Анатольевна и скрылась за соседней дверью.

– Сколько можно здесь ждать доктора? – эти слова принадлежали невысокому полному мужчине лет пятидесяти с огромным животом, тремя подбородками, большими залысинами

и жировыми отложениями на затылке в виде объемных складок. – Я спрашиваю, сколько еще я буду здесь ждать доктора?

Его лицо демонстрировало высочайшую степень недовольства, и казалось, еще чуть-чуть – и из его головы через все отверстия повалит крепкий пар, как из закипевшего чайника.

– Я доктор, – представилась Катерина, стараясь сохранить спокойствие и вложить в голос всю доброжелательность, на которую только была в этот момент способна. – Ответственный доктор этой смены. Что вас интересует?

– Моя жена, – и он показал пальцем на беременную девицу, едва достигшую фертильного возраста, с хорошеньким вульгарным личиком, – у нее вчера вечером болел живот, а она до сих пор еще не родила. Я вас спрашиваю, почему?

– Уважаемый... – Катя запнулась, – как я могу к вам обращаться?

– Павел Александрович.

– Уважаемый Павел Александрович, ваша жена еще не рождает. Вчера у нее были подготовительные схватки, и они могут длиться две-три недели. Вашу жену полностью обследовали, ее состояние и состояние вашего ребенка замечательное, но время рожать еще не пришло, а для экстренного родоразрешения показаний нет, поэтому сейчас запишем кардиограмму малыша и будем переводить вас в родовое отделение.

– Что значит не рождает? Живот же болел? Болел. А то, что сейчас не болит, это еще ничего не значит! И что значит, нет показаний для родоразрешения? Так найдите, она должна родить сегодня, и родит, нравится вам это или нет. Поставьте капельницу, или что там у вас делается, не мне вас учить. И если вы, лично вы не хотите иметь неприятностей, то вы тут же займетесь своим делом, а не будете праздно разгуливать по коридору. Вы же не думаете, что я ничего не вижу...

– Я ничего специально делать не буду, – медленно чеканя каждое слово, произнесла Катерина, – нравится вам это или нет, – повторила она его слова. – А если вы еще попытаетесь мне или кому-нибудь из медперсонала угрожать, я вызову охрану, и вас выдворят за пределы родильного дома.

– Котик! – раздался приглушенный голос со стороны кровати, где, натянув одеяло до самых бровей, лежала будущая мама. – Котик, пусть эта тетка уйдет, я ее боюсь.

– Рыбка моя! – «беременным» коршуном ринулся к ней любящий муж и защитник. Катерина не стала дожидаться итогов саммита между «котиком» и «рыбкой» и выскочила из палаты.

– Катерина Аркадьевна, «тазовое» поднимаем в операционную, первые роды, предполагаемый вес плода – четыре с половиной, – бойко отрапортовала Вера Васильевна, второй дежурный врач в бригаде.

– Хорошо, – кивнула Катерина. – С кем идете?

– С клинордом, хорошая девочка.

– Если что, я подключусь, – произнесла Катя, с удивлением глядя надвигающуюся по коридору маршевым шагом Людмилу Михайловну.

– Не успела предупредить, – быстро зашептала Вера Васильевна. – Этот скандалист из второй палаты еще до общения с тобой орал здесь, что весь город поднимет на уши, и вот, пожалуйста, «уши» уже здесь. Вон как Чингачгук скачет. Все. Уже в образе. Сейчас мир спасать будет.

Ни с кем не поздоровавшись, с выражением лица, будто от нее сейчас зависит по меньшей мере жизнь всего человечества, не сгибая колен – шагом парадного караула, Людмила Михайловна промаршировала в родильный зал номер два.

– Сейчас вылетит и будет вопить, что нужно срочно бежать в операционную, – тяжело вздохнула Вера. – Я тебе, Кать, искренне сочувствую, и хоть нас еще не звали, я от греха

подальше пойду мыться, – и она тут же скрылась в небольшом коридорчике, ведущем в опер-блок.

Людмила вышла из родзала чуть раньше, чем предполагала Катя, и немного позже, чем предсказывала Вера. Была она тиха, тошнотворно деликатна и предупредительна. Отозвав Катерину в сторонку, Людмила, оскалившись в счастливой улыбке и с бесноватым огнем в глазах, всем своим видом старательно демонстрировала, как ей повезло, что именно сегодня ответственным врачом дежурит «лучшая из лучших» – Катерина Аркадьевна Шереметина. И понеслось. Ах, как она высоко ценит не только профессиональные, но и те человеческие качества, которые присущи только ей, Катерине. Те же «мелочные недоразумения», которые были между ними, это всего лишь недоразумения, и они «выеденного яйца не стоят», и вообще – даже если что-то и было, то все в далеком прошлом, а кто старое помянет, тому глаз вон, они же все одна дружная семья. Жарким полуинтимным шепотом Людмила долго и нудно, перемежая свою речь льстивыми эпитетами доказывала, что родоразрешение девицы из второй палаты должно состояться именно сегодня.

– Люда, у меня к тебе три вопроса, – Катя холодно смотрела куда-то поверх головы заведующей родовым, потому что один вид ярких синих теней под блондинистой челкой и лихорадочный блеск глаз на искаженном нездоровым возбуждением лице вызывал у нее острую нехватку воздуха. – Первый: каким образом ты собираешься ее родоразрешать, учитывая, что у этой абсолютно здоровой девочки срок беременности чуть больше тридцати шести недель? Соответственно, к родам она не готова, так же как и ее ребенок, значит, только кесарево, тогда вопрос второй. За что и по каким показаниям ты пойдешь ее оперировать? И третий: кто будет оформлять историю родов? Ведь у тебя с ними, как я понимаю, нет официального договора на роды, и ты не являешься их индивидуальным врачом.

– Катя, ну мы же взрослые люди, неужели не договоримся? – Людмила двусмысленно закатила глаза. – Или мне звонить главному? Ты же не первый день работаешь и прекрасно знаешь, что здесь быстро теряют интерес к несогласным идти навстречу, а твое положение в роддоме и так весьма неустойчиво. Ну и?

– Звони главному, – произнесла Катя и, развернувшись, пошла в первую палату, откуда доносился хриловатый голос Евгении Анатольевны, настойчиво призывавший кого-то тужиться. Потом приехал главный, и они вместе с Людмилой сходили в операционную и достали незрелого ребенка, который никак не хотел кричать. Педиатры неинтеллигентно и от всей души, склоняя по матери всех и вся, яростно бились за его жизнь. Завершилось все предсказуемо – был выставлен диагноз «преждевременные роды», и с синдромом дыхательных расстройств малыша перевели в детскую больницу. Когда кто-то из бригады спросил, чем была вызвана такая срочность, ему на полном серьезе ответили – «гороскоп»: если ребенок этого «статусного» папы выживет, то по гороскопу ему суждено стать великим человеком, так расположились звезды. Это ни у кого не вызвало ни удивления, ни возмущения, здесь бывало и не такое. Главный после операции вместе с Людмилой уединились в его кабинете и в четыре руки ваяли историю родов, потом тихо, ни с кем не попрощавшись, уехали, и никто из бригады по этому поводу не расстроился. Утро Катерина с Верой Васильевной встретили в операционной. Доношенная двойня, мальчик и девочка, и оба лежали поперек. Уже в конце, когда они наклеивали на послеоперационный шов асептическую повязку, Вера Васильевна тихо произнесла:

– Теперь тебя точно съедят.

– Да, – равнодушно согласилась Катя. – Да я бы в любом случае оказалась виновата. Раз ребенок «плохой», ответственный врач всегда виноват. Никого из «официальных лиц» не будет интересовать, что молодую здоровую девочку прооперировали раньше срока только из-за того, что муж, чиновник какого-то там департамента, решил, что его ребенок, этот двухкилограммовый мальчик, в будущем, если, конечно, начнет самостоятельно дышать, должен стать хозя-

ином мира, и в этом ему помогут планеты Марс, Сатурн, Уран и черт в ступе, которые именно сегодня встретились в созвездии Овна или Стрельца или что у нас там по гороскопу...

– Весы, – хмыкнула операционная медсестра Зиночка.

– Вот-вот, – злясь на собственное бессилие, продолжила Катя. – И бывает это только раз в тысячу или две тысячи лет. А ведь эта девочка через месяц могла совершенно спокойно родить самостоятельно доношенного и здорового малыша. Эх, да пропади все пропадом!

– Ладно, Катюш, будем надеяться, что страсти к понедельнику улягутся. Ты когда снова дежуришь?

– Знаешь, Вера, напрасно они надеются, что я такой «зайчик-пушистик», которого можно съесть и не поморщиться. Случаются иногда сюрпризы, и не всегда и не для всех они бывают приятными... А дежурю в среду. С Ольгой.

– Это хорошо. С ней спокойно. И не связывайся с этим гадюшником – береги здоровье, – по-доброму посоветовала Вера, стягивая испачканные кровью перчатки и операционный халат. – Всем спасибо, и пойдем чаю попьем, а «ребенок» все нам напишет. Правда, ребенок? – спросила она у бледно-зеленого от усталости клинического ординатора. – А то больше на операцию не возьмем.

Клинорд к завершению дежурства приобрела такой вид, что могла бы без грима сниматься в фильме ужасов: глаза запали, нос и скулы заострились, губы потрескались, но боевой пыл полыхал с неукротимой силой. Она активно закивала, демонстрируя готовность умереть, но ни под каким видом не оставить боевой пост и выполнить, даже ценой собственной жизни, все, что прикажет начальство, причем в наилучшем виде.

– Грамотный «ребенок», – проводила ее взглядом Катерина. – Жаль, если уйдет из акушерства.

– Молодец, если уйдет, – возразила Вера, переодеваясь. – Девочке нужно семью создавать и самой детей рожать, но, честно говоря, действительно будет жаль.

В ординаторской уже был полный сбор, пришла новая смена, на столе стояли чайник и огромное блюдо с разномастными бутербродами, отдельно громоздился кремовый монстр – торт в маслянистых розочках – его притащил счастливый отец толстого «тазовика», весившего при рождении без малого четыре килограмма девятьсот тридцать граммов.

Говорили все одновременно: отдежурившие делились информацией о прошедших сутках, вновь пришедшие рассказывали, «что нового в мире», и все дружно смаковали приезд главного и Людмилы, выдвигая разные предположения, чем эта история может закончиться для Катерины.

– «Наградят талонами на усиленное питание и путевкой в Крым», – войдя в комнату, Катя сразу закрыла тему будущих репрессий. То, что они последуют, и совсем скоро, сомнений у нее не вызывало, но это будет потом, а пока – дежурство закончилось и впереди радостно маячили выходные. – Лучше признавайтесь, у кого есть кофе? Пусть даже растворимый, я сейчас на все согласна.

– У меня есть, и даже в зернах, – красная, как переспелый помидор, почти шепотом произнесла Светлана. – Будете?

Катерина не ответила, схватив еще не зазвонивший, но уже отчаянно вибрирующий мобильник, лишь махнула рукой, что можно было расценить и как согласие, и как отказ.

– Катюшка, куда пропала? Я тебя не разбудила? – жизнерадостно завопила трубка Наташкиным голосом.

– Не сплю, еще на работе, только дежурство закончилось, – выскочив в коридор, ответила Катерина. – Ты чего в такую рань звонишь? Что-то случилось?

– Ну прям! Не дождутся! Я сейчас за тобой в роддом заеду, адрес помню. Жди, подруга, буду минут через двадцать. Если удержишься, прямо в халате заберу. Все. Пока. Еду.

– Стой, малахольная! Куда?! – крикнула было Катерина, но трубка уже частила гудками. – Вот зараза, – незлобно и привычно обращаясь неизвестно к кому, произнесла Катя. – Я хочу спать... и горячую ванну...

Одиноким мигающий конвертик на экране сообщил, что есть непрочитанное сообщение. Открыв его, Катерина расплылась в самодовольной и наиглупейшей улыбке. «Привет, хочу верить, что вы не забыли «ниндзю» из кафе с ноутбуком вместо нунчаков. Срочно пришлось вылететь в Барселону. Предложили совместный проект. Вернусь дней через десять, или вам это совсем неинтересно? Но, может, встретимся? Позвольте вам позвонить. Может, что-нибудь захватить из Испании?» «Тепла и солнца!», – тут же отбила она ответ, мобильный пикнул и блеснул новым конвертиком: «Заберу все!!! До встречи!» Через двадцать минут она сидела в машине рядом с Натальей.

– Ну у тебя и вид! – это были ее первые слова, а потом последовал словесный речитатив, в мельчайших деталях описывающий ее, Катину, «безрадостную и не внушающую оптимизма» внешность. Окончательным приговором прозвучало, что так жить нельзя. Катерина слушала вполуха, согласно кивая в нужных местах, будто дрессированный пони. По опыту она знала, что прерывание подруги на полуслове, когда ту несло, не только приведет к продлению обличительных речей, но и их усилению.

– А что это у тебя за странный блеск в глазах? – в специфической для нее манере резко перескакивать с одной темы на другую внезапно заинтересовалась Наталья.

– С Вины развожусь, – равнодушно ответила Катя, стараясь подавить зевоту. – Спать хочу. Всю ночь на ногах...

– Давно было пора, – не обращая внимания на ее физические страдания, холодно и категорично выдала Наталья. – Никогда не понимала твой выбор.

– Подожди, Наташ, – дремотное состояние у Катерины будто рукой сняло. – Ты же всегда им восхищалась, его манерами, «фактурой», интеллектом, «голубой кровью». С чего это такие кардинальные перемены во взглядах?

– Да ничего не произошло, мне было легче его терпеть, чем тебя потерять. Это был твой выбор. Что хорошего, если бы я тебе сказала, что он мне напоминает липкого, распускающего нюни по любому поводу паразита-неудачника? Ну какой он мужик? Так, ни рыба ни мясо. Сама его выгнала? С какой-нибудь «привокзальной» застучала?

– Угу, – согласилась Катя. – Застучала... Ты бы ее видела... А как ты догадалась?

– Судя по его похотливой роже, этим и должно было все закончиться. С такими высокими запросами и малыми возможностями ему выше «уценённого секонд-хенда» не подняться. Наверняка из себя при этом миллионера корчил или будущего Нобелевского лауреата, которого никто не ценит и все зажимают.

– Так все и было... Слушай, а куда мы едем?

– К нам. Будем отмечать твоё освобождение! Секс, наркотики, рок-н-ролл!!!

– ?????!!! К-к-как-к-кой секс?! К-к-к-как-кие наркотики?! Наташ, ты о чем?

– Шутка юмора! Просто Никитос с мальчишками в гости к Виктору поехал. Ты его знаешь, они вместе работают, а потом своих трех богатырей у тебя рожал, – Катерина согласно кивнула. – Так там у младшего день рождения, – продолжила Наталья, не отрываясь от дороги, – пять лет исполнилось, вот они и собрались чисто «мужской компанией» с пищей и мороженым для младшего поколения и пивом для старшего. Вот пока моих мужчинок дома нет, посидим по-нашему, по девичьи... И гульнем! Такое событие! И не отметить?! Да ни за что... А мы пить будем, а мы гулять будем!.. – радостно заорала она.

– Натусь, я спать хочу...

– Катя, никаких возражений... Даже не надейся... Можешь расценивать это как похищение, – безапелляционно заявила Наталья и, допев «...а смерть придет – помирать будем», решительно вырулила на Выборгское шоссе.

Новый коттеджный поселок встретил их закрытым автоматическим шлагбаумом и амболом-охранником. Его выраженные надбровные дуги с густыми, сросшимися в непрерывную линию бровями, которые терялись где-то в височных областях волосистой части головы, нависали над глубоко посаженными глазами. Мощная квадратная челюсть двигалась в непрерывном, будто автономном, режиме, что-то старательно перемалывая в пыль, и, казалось, существовала отдельно от хозяина.

– Новый Гамадрил Гамадрилович, – тихо прокомментировала Наталья, – внучатый племянник Аль Капоне, наверное, выписан из Чикаго наложенным платежом, – и тут же, расплывшись в самой обаятельной из всех возможных улыбок, обратилась к «гангстеру»: – Здравствуйте, Эдик, это моя подруга, она занесена в список постоянных гостей нашей семьи, так что постарайтесь ее запомнить.

Гамадрил Эдик, казалось, почти сломался пополам, когда, склонившись, чтобы заглянуть в салон машины, вперил в Катерину два немигающих глаза. «Сейчас скажет, что у меня камни в желчном пузыре, или еще какую-нибудь гадость», – подумала Катя, поежившись под его пронизывающим взглядом.

– Здравствуйте, Наталья Николаевна. Проезжайте, я запомнил вашу подругу, – прочревовещал он, почти не раскрывая рта.

– Господи, страшный-то какой, – пробормотала Катерина, видя, что они отъехали от охранника на приличное расстояние, и, не рискуя быть услышанной, добавила громче: – Я не то что сегодня, но и еще пару суток не усну. Это просто Кинг-Конг какой-то.

– Ага, а я думаю, кого он мне напоминает? – хохотнула Наталья. – Точно, именно Кинг-Конга, только у того натурала шерсти больше. Ну, вот мы уже и дома.

Загнав машину в гараж, они рассредоточились по дому. Катерина отправилась в душ, предварительно зайдя в свою комнату, чтобы захватить сменную одежду. Наталья не первый раз таким образом «похищала» крестную мать своих отпрысков, поэтому ее гардероб здесь был представлен от купального костюма (у них был небольшой бассейн с подогревом) до старенькой дубленки, в которой можно было зимой без опаски получить простуду, кататься с ледяных горок и валяться в сугробах. Хозяйка дома отправилась в кухню-столовую, пытаясь объединить меню завтрака и обеда, создав при этом что-то среднее. Когда Катя появилась на кухне, стол был накрыт с расчетом на двух женщин, которые периодически, не пытаясь довести себя до анорексии, следили за своими фигурами. Рядом с мясной нарезкой и соленьями стоял запотевший от перепада температур только извлеченный из холодильника небольшой хрустальный графинчик, заполненный прозрачной жидкостью.

– Это водка? – не поверила своим глазам Катерина. – Ты что, подруга, смерти моей хочешь?

– «Водка? Помилуйте, королева! Предлагать даме водку? Это чистый спирт», – сморщив нос и сведя глаза к переносице, Наталья почти дословно процитировала Булгакова. – Хотя нет, должна тебя расстроить – это действительно водка, ну, нет у меня спирта. Шампанское под селедочку, отварную картошечку с зеленым лучком и соленые огурчики не пойдет, а твою свободу мы просто обязаны отметить. Кстати, когда ты снова дежуришь?

– Еще не скоро, времени для доведения себя до белой горячки будет более чем достаточно, если, конечно, к тому времени не уволят.

– А что, уже есть повод? – поинтересовалась Наталья, одновременно разливая водку в крохотные, размером с наперсток, рюмочки.

– Был бы повод – меня бы уже перед роддомом под бой барабанов и ритуальные пляски аборигенов сожгли на жертвенном костре, – ответила Катерина, при этом стараясь так подцепить ломтик красной рыбы, чтобы с нее не свалился кружок слезящегося соком лимона, и, заполучив желаемое в свою тарелку, довольно, по-кошачьи муркнула. – Но такие темы, как моя работа и мой бывший, это все неинтересно. Самое главное, я познакомилась с таким потря-

сающим мужчиной. Это Ален Делон, Бельмондо, Бандерас и Джонни Депп в одном флаконе. Умен, начитан, галантен, смел... Короче, это что-то фантастическое...

– Момент, – не закусив после первой, Наталья наполнила по второй, – он что, иностранец? Насколько я помню, «фантастическое» у тебя уже было, и ты до сих пор еще это не расхлебала.

– Наташ, ну подожди, – Катерина почувствовала, что «поплыла» от первой рюмки, быстро затолкала в рот рыбу и горячую картошку и по этой причине вынуждена была временно замолчать.

– И не собираюсь, – тут же заполнила паузу Наталья. – Я знаю продолжение: брутален, хорош собою, интеллигент до мозга костей и ко всему еще и интеллектуал. Ну и в чем я была не права? Да проглоти ты в конце концов эту несчастную картошку. На, запей, – и протянула ей стакан с водой.

– Горячая, зараза, – кое-как проглотив еду, ответила Катя. – Это я про картошку. Да, он интеллигент, да, интеллектуал – у него свое издательское агентство, да, хорош собой...

– Читает Гамлета на английском, и зовут его Вениамин, – перебила ее Наталья. – У тебя шишки от прежних граблей не прошли, а ты уже по новым топчешься.

– Ну и при чем тут грабли? Ко мне в кафе с непристойными предложениями пристал нетрезвый олигофрен, а Марк меня от него спас... И вообще, я же не замуж за него собираюсь... И прекрати мне наливать, у меня и так перед глазами все плывет.

– Значит, рыцаря в сверкающих латах зовут все-таки не Ланселот, а Марк, – вслух осмысливая полученную информацию, прокомментировала Наталья. – А не много ли достоинств для простого смертного? Ты там, случаем, над его головой светящегося нимба не видела? Со стороны – так это явный перегруз программы... Ну, ладно, жизнь покажет... А ты, подруга, ешь давай, ведь на работе наверняка в лучшем случае на голодный желудок бутерброд скомкала... Отдохнешь у нас, выспишься, а потом поговорим с тобой на светлую голову: о любви, о дружбе и как с этим бороться.

– Вот как у тебя все так получается – разложить по полочкам, и сразу все, ну, почти все становится понятным? – хмельно и искренне удивилась Катя. – Все знаешь, и ничем тебя не удивить. А вот если бы ты минут на пять задержалась, я бы еще на работе успела кусок торта съесть.

– Обойдешься. Торт бы она съела! Так, еще глоточек – и как раз мясо будет готово, – Наталья волшебным пассом руки извлекла из электрогриля говяжий стейк. – Аллле-опп – и триста граммов животного белка средней степени прожарки готовы к употреблению.

– Ну вы красавы! Только-только полдень, а они уже тепленькие, – прозвучал откуда-то сверху мужской голос. Катерина оторвалась от мяса и, подняв голову, попыталась сфокусировать взгляд. В дверном проеме, практически полностью его заполняя, стоял мужчина.

– Э-Э-Эдик? – с трудом выдавила из себя Катя, пытаясь одновременно удержать в пойманном фокусе лицо гостя и собрать расползающиеся во все стороны мысли.

– Я не Эдик, – внезапно обиделся вновь прибывший.

«Ой, неужели все-таки действительно Гамадрил?» – мелькнула у нее дикая мысль, которую она не успела высказать вслух, услышав голос Натальи: «Иван, это Катя, подруга и крестная...»

– Наслышан, наслышан, – мужчина склонился над Катериной и, взяв ее руку в свою лапищу, осторожно пожал.

– Катюш, это Иван, друг Никиты, он недавно приехал из...

Откуда приехал Иван, Катя уже не слышала: подперев голову рукой, она провалилась в здоровый спокойный сон, сквозь который просочились отрывочные слова «не спала», «сутки», «куда нести тело». Ей очень хотелось спросить, о чем теле идет речь, но решила отложить это на потом.

– Ну и здоровы вы спать! – пророкотал подозрительно радостный мужской голос. – Просыпайтесь, уже утро, и только, пожалуйста, не называйте меня Эдиком.

Катерина, у которой не только сон, но и легкую полудрему как рукой сняло, поняла, что ей совершенно не хочется открывать глаза. Воспоминания накатывали урывками: горячая картошка, которой она обожгла язык, и мясо, которое не успела съесть. «Кажется, я хочу есть, нет, ну, я определенно очень хочу есть».

– Катерина, вы очень выгодный гость, всего двадцать граммов... и какой эффект. Проспать без перерыва почти семнадцать часов – это сильно.

Глаза распахнулись сами собой. Напротив ее кровати в огромном кресле сидел здоровый детина.

– Только не волнуйтесь, переодевала вас Наталья. Она сейчас повезла наследников в детский сад. Никита на работе. Я в вынужденном отпуске – и оставлен в ваше полное распоряжение. Кофе и легкий перекус будут готовы через пять минут. Я жду вас внизу.

Несмотря на свои габариты, он легко поднялся из кресла и бесшумно вышел из комнаты.

– И что это было? – резко сев, спросила саму себя Катя. – Как же его зовут?

– На всякий случай, если вчера это прошло мимо вас, – раздался голос за дверью, – позволю себе напомнить: меня зовут Иван.

Катя рухнула обратно в кровать и от стыда закрылась с головой одеялом. «Надо спуститься вниз и испить чашу позора до дна. Лучше сразу умереть, чем жить в мучительном ожидании», – решила она и, спихнув с себя одеяло, резко встала. Надев старенькие джинсы и мужского кроя рубашку, аккуратно приготовленные для нее Натальей, она постаралась привести то безобразие на голове, что называется волосами, хотя бы в относительный порядок. После нескольких попыток к ней пришло осознание тщетности прикладываемых усилий. Успокоив себя тем, что до этого было немногим лучше, она сделала вид, что именно в таком анархистско-демократичном стиле все задумывалось, и вышла из своего убежища.

На кухне витали ароматы свежемолотого кофе и еще чего-то очень вкусного. Иван колдовал у плиты, и из-за его спины было не видно, на каком именно этапе находился творческий процесс. Воспользовавшись удобным моментом, а женское любопытство сродни кошачьему, она рассмотрела его внимательнее, даже с определенной долей бесцеремонности. Он не был таким высоким и огромным, как показался ранее, скорее широким, не толстым, а именно широким, громоздким, хотя, возможно, и это впечатление было обманчиво. Большой белый свитер крупной вязки не давал возможности составить окончательное мнение о его телосложении, но поднятые до локтя рукава демонстрировали сильные предплечья и широкие, совсем не аристократические запястья и кисти рук. Иван двигался легко, быстро, и движения его были четкими, уверенными, без лишней суетности. Он прекрасно знал, где что находится и как со всем этим обращаться. Между тем кушать хотелось немилосердно, и разливающиеся ароматы способствовали тому, что желудок почти готов был переварить сам себя. Катя, потеряв интерес к «шеф-повару» и не выдержав пытку голодом, цапнула из хлебницы хрустящую горбушку багета.

– Что я вчера натворила? – поинтересовалась она и, почти не жуя, проглотила хлеб, стараясь по мере сил отвлечься от происходящего у плиты. – Буйствовала?

– Так, сразу поставим все точки над i, – заговорил он, не поворачиваясь и не отвлекаясь от процесса готовки. – Вы не устраивали стриптиз и не танцевали на столе, не приставали ко мне с циничными предложениями, вы не храпели, ну, во всяком случае утром. Перестаньте, пожалуйста, наедаться хлебом. Во-первых, завтрак уже готов, а во-вторых, так можно испортить желудок.

До этого момента полностью уверенная в своей безнаказанности, она успела, как ей казалось, незаметно стащить еще кусок багета. Вздвогнув от его слов, Катя тут же вернула

хлеб на место и, сложив руки на коленях, уставилась в окно, таким образом показывая всю абсурдность его подозрений. Яичница с поджаренными ломтиками бекона, бережно выложенная на огромную тарелку из демидовского фарфора, не только прекрасно выглядела, но и была очень вкусной. Катерина внезапно вспомнила, что последний раз ей завтрак готовила мама, и это было очень-очень давно, кажется, в другой жизни. Кофе был крепким и тоже очень вкусным.

– Я о вас очень много знаю. Наталья с Никитой только о вас и говорят... – намазывая масло на хлеб, начал Иван.

– Не верьте, они лица заинтересованные и поэтому не всегда бывают объективными.

– Не будьте к ним так суровы. Я давно и очень хорошо их знаю, поэтому ценю их мнение. Плохой человек не станет практически членом их семьи.

– Вы таким образом и себе характеристику даете?

– В какой-то степени да, – произнес Иван, наливая себе кофе. – Но это не реклама, а, если так можно выразиться, информация из первых уст. Мне сорок два, я две недели назад вернулся из Англии, где прожил несколько весьма интересных лет. Был небольшой бизнес, связанный с компьютерной техникой, но бывшая жена при разводе смогла отобрать практически все, поэтому жизнь начинаю с нуля и в принципе этим доволен. Вы еще что-нибудь хотите?

– Я бы с удовольствием выпила еще чашечку кофе. Кстати, а почему вы решили, что я по утрам не храплю?

– Я сидел с вами в комнате с шести утра... Вы во сне так громко стонали, что едва не перебудили весь дом, но я проснулся первым... Моя комната напротив...

– И что было дальше? – сразу забыв о еде, внутренне напряглась и как бы «между прочим» поинтересовалась Катя.

– Ничего. Я у вас поинтересовался, что случилось. Вы все спрашивали про чье-то давление, ну, я сказал, что все хорошо. В ответ вы с облегчением вздохнули, перевернулись на другой бок и продолжали спать дальше, ну а я не рискнул вас оставить одну.

– Молодцы. Боялась, что вы без меня умрете голодной смертью, – врываясь на кухню, радостно сообщила им Наталья о своих опасениях. – А меня никто не хочет покормить? Дайте хоть кофе глотнуть.

– Сначала завтрак, а кофе потом, – решительно заявил Иван.

– А иначе желудок испортишь, – Катерина повторила недавние предостережения Ивана, искренне обрадовавшись возвращению подруги и возможности уйти от разговоров о минувшей ночи.

– Вот именно, Катерина, не знаю, как вас по батюшке...

– Аркадьевна, – подсказала Наталья.

– Истину глаголете, Катерина Аркадьевна.

– Высоким штилем излагаете, господин хороший. Пажеский корпус изволили заканчивать?

– Ах, Катерина Аркадьевна, Катерина Аркадьевна, где я только не учился и что я только не заканчивал, но об этом не здесь и не сейчас, – он подхватил ее тон, рассматривая через хитроватый прищур эту взлохмаченную женщину с припухшими от крепкого сна глазами и сохранившимися на щеке следами от подушки. Она сейчас ощущала себя комфортно, и это было для нее главным, все остальное не то чтобы совсем не волновало, но было на втором плане. Ни тебе показательных хороших манер, ни позерства – мол, смотрите, какая я необыкновенная и независимая, но и пассивного равнодушия, граничащего с пофигизмом, тоже не было. Обычная женщина, каких тысячи: ни особенной внешности и фигуры, не глупа, но и ай-кью не зашкаливает, в другое время и при других обстоятельствах, возможно, он бы не обратил на нее внимания. Пожалуй, и она придерживалась того же мнения, и, видимо, просчитав про себя все за и против, решила «не надрываться» в стараниях его очаровать. А может,

она со всеми такая? В общем, такая своеобразная дамочка, сделал он про себя вывод, решив, что это заключение далеко не окончательное, и, возможно, когда-нибудь он к этому еще вернется. Если бы он смог сейчас прочесть ее мысли, то был бы крайне удивлен, узнав, что он «надутый и самовлюбленный пижон».

– О чем это вы? Какие там пажеские корпусы? – не выдержав, вмешалась Наталья и, намазывая на тост паштет, тут же в свойственной для себя манере перескочила на другую тему и рассказала о своих мальчишках, которые утром, нарисовав себе зубной пасты усы, пытались доказать, что они взрослые и никакие садики, тем более детские, им не нужны. После завтрака Иван заторопился по делам, туманно объяснив, что пусть они и не государственной важности, но близки к таковым. Принеся дамам извинения, что оставляет их в разгромленной кухне с кучей грязной посуды, Иван с искрой в глазах выразил уверенность, что они справятся с уборкой и без его помощи, и быстро ретировался.

– Однако мутный тип, – хмуро оценивая взглядом объем работы, произнесла Катерина. – Вроде с тобой разговаривает, а думает о чем-то другом. Неискренний он, будто с двойным дном...

– Хороший мужик, надежный, просто заметно отсутствие заботливой женской руки, – невозмутимо возразила Наталья, доливая кофе в их чашки. – Ему нужна нежная добрая женщина, которая не даст ему сбиться с истинного пути...

– Нет, это точно не ко мне. Я сейчас злая и независимая. Только хомут с шеи сняла, еще мозоли не зажили, а я должна в новый впрягаться. Ни за что!

– Свято место пусто не бывает, – задумчиво помешивая кофе в миниатюрной чашечке, будто не слыша продолжала Наталья. – Да и была бы шея, а хомут всегда найдется, и твои мозоли никого не интересуют. Так что допивай кофе и давай мыть посуду. И нечего кривиться, нам к этим самым мозолям лишние морщины не нужны.

– Дома убираю, в гостях убираю... – заныла было Катя, но, увидев выражение лица подруги, тут же изобразила состояние полного счастья и что уборка – это именно то, о чем она сейчас мечтала.

– Я не поняла последнего. Это кто сейчас в гостях? – с удивлением осведомилась Наталья. – Но я сделаю вид, что этого не слышала. Поэтому дружно встаем из-за стола и с энтузиазмом и радостным блеском в глазах беремся за дело.

День прошел в домашних хлопотах и болтовне о том о сем, а заодно в периодических бурчаниях, что переделать все домашние дела – задача из невыполнимых. Между тем в один из перерывов Катя впервые позволила себе рассказать подруге о проблемах на работе. Разговор по этому поводу затянулся и оказался, неожиданно даже для самой Катерины, весьма серьезным. Вечером Никитос, возвращаясь с работы, забрал детей из детского сада, и они дружно орущей компанией заявили домой. Погодки пяти и шести лет, Паша и Саша, увидев крестную, ожидавшую их на застекленной веранде, издали мощный вопль радости, который едва не привел к повышению сейсмологической активности не только в их районе, но и во всей Ленобласти, а заодно и в большей части Суоми.

Дети ринулись к ней, ураганом сметая все, что встречалось на их пути. Оба ширококостные, пошедшие в отцовскую породу, розовощекие крепыши, одетые в осенние, с меховой опушкой яркие комбинезоны и веселой расцветки сапожки, они выдавали такое количество энергии, что могли бы обеспечить потребности небольшого городка. Катя с нескрываемым испугом смотрела, как к ней со скоростью пушечного ядра, выпущенного из мортиры, летят два орущих цветных коlobка. «На месте затопчут», – это была ее единственная мысль. Она быстро села на широкую дубовую лавку, стоявшую посередине веранды, и, крепко вцепившись в нее руками, приготовилась достойно принять удар. Мальчишки набросились одновременно и тут же дружно попытались свалить ее на пол. Быстро поняв всю тщетность своих усилий, братцы, с усердием обнимая крестную, вцепились ей в шею так, что едва не задушили. Наталью,

увидев, что подруга стала подозрительно синеть, бросилась к ней на помощь, стараясь высвободить из объятий хотя бы одного из них. Кое-как вывернувшись из цепких рук разбушевавшихся мальчишек, Катя тут же пошла в контратаку. Она немилосердно их тискала, щекотала, поочередно целуя куда попало. Те же, отчаянно уворачиваясь, хохотали и вопили во все горло, что «они не девочки и не надо их целовать». Веранда по раздающимся оттуда звукам стала напоминать отделение для буйнопомешанных. Преимущество в этом массовом дуракавалянии было попеременно то на стороне крестной, то на стороне подрастающего поколения. Наталья, махнув рукой на «все эти безобразия», скрылась в доме, куда за несколько минут до этого, заранее предвидя всю эту катавасию, быстро проскочил Никита, предварительно чмокнув крестную в щеку. На секунду освободившись от ошалевших от радости и чувства полной безнаказанности мальчишек, Катя, вскочив с лавки, что было сил помчалась с веранды, задыхаясь от смеха и взывая о помощи. Она бежала прочь в надежде найти укрытие от лихих братцев где-нибудь во дворе.

А двор был прекрасен. Казалось, все, что там находилось, создано по мановению волшебной палочки, будто в чудесной сказке. Это было творение настоящего художника, мастера своего дела, дизайнера высокого класса. Небольшой сад с профессионально ухоженными газонами, фигурно стриженные кусты бирючины, искусственно насыпанная горка, укрытая последними, устойчивыми к ночным холодам, поздними осенними цветами, деревья, быстро теряющие красную с золотом листву. Аккуратные песчаные дорожки, ажурный, казавшийся невесомым мостик, переброшенный через искусственно созданный ручей, несущий проточную воду из подземного источника в небольшое озерцо, откуда она снова уходила под землю. Чуть поодаль стояла летняя беседка. Она будто парила в воздухе, окутанная деревянными кружевами и ветвями лозы дикого винограда. За самим домом располагалась вторая веранда, где в ряд стояли несколько удобных шезлонгов и открывался завораживающий вид на сосновый бор, и здесь, чуть дальше, в глубине заднего двора, стояла вторая большая беседка – для пикников. Это был мягкий симбиоз старинного русского терема петровских времен и английской хижины конца девятнадцатого – начала двадцатого века. Беседка была всесезонная и имела раздвижные стеклянные стены, надежную кровлю, пол с подогревом, выстланный брусчаткой, и прекрасную вытяжную систему. Внутри находилось два мангала. Один большой, где при желании можно было зажарить среднего размера барашка, и второй поменьше, для шашлыка и барбекю, где порции были рассчитаны на небольшую компанию. В углу беседки располагался сложенный из грубого камня камин, а чуть поодаль высился массивный деревянный буфет, куда собирали посуду для застолья. Весь центр зала занимал огромный стол и скамьи из рубленых бревен.

Именно туда, неизвестно на что надеясь, со всех ног летела Катерина. Мальчишки, видя, что добыча вот-вот ускользнет из их рук, с криками «держи ее» бросились вдогонку. Пашка, как старший, лидировал и, перевалившись через скамью, бежал первым, Саша (на год младше), с усердием пытая «делжи ее», старался не отставать от старшего брата.

Иван, чье появление во дворе никто из вопящей братии не заметил, выйдя из машины, за долю секунды оценил происходящее и в два шага возглавил операцию «догонялки».

– Да здравствует мужская солидарность! Держи ее!!! Ур-р-р-ра!!!

– Ур-р-ра!!! – дружно взревели братья.

– Мам-м-м-а-а-а-а!!! – подпрыгнув на бегу, завопила Катя, увидев, насколько теперь превосходят ее «силы противника». Хотя это все была игра, но внезапно возникшее ощущение затравленной жертвы, которую нагоняют хищники, и спасения нет, вызвало у нее ужас и панику. Теперь она бежала молча, петляя, будто заяц, в поисках ближайшего укрытия, и в первый момент даже не поняла, что произошло – ее ноги сами собой оторвались от земли, она взлетела куда-то вверх и, перевернувшись, оказалась лежащей в очень неловкой позе.

Погоня длилась недолго, и ее результат был предопределен. Настигнув условную «жертву», Иван, издав победный рык, одним неуловимым движением легко подхватил ее и забросил себе на плечо. Даже в «дурашливой» погоне мужчина, как генетически запрограммированный охотник, получает истинное удовольствие в движении и захвате добычи. Иван и малышня не были исключением.

– Что будем делать с добычей, орлы?! – довольный, обратился он к беснующимся братьям.

– Счикотать! – кровожадно кричал Пашка, и ему, радостно подхихикивая и прыгая от нетерпения, поддакивал младший.

Катерина, совершенно не привыкшая передвигаться подобным образом, со всей силы колотила своего «похитителя» по монолитной спине, и судя по отсутствию какой-либо реакции, эта часть его тела была совершенно бесчувственной. Между тем троица строила в отношении нее планы один кошмарнее другого: кроме щекотания, поступали предложения обмазать ее вареньем (лучше абрикосовым – оно вкуснее), это предложил Иван, за что тут же получил от Катерины очередной тумак по спине.

– Самое вкусное – это моложеное, – с вдохновенной мечтательностью произнес Саша.

– Крестной будет холодно, и она замерзнет, – резонно возразил Павел и тяжело, не скрывая своего сожаления, вздохнул.

Их появление в доме в таком виде произвело настоящий фурор.

– Поставьте крестную на место, – с искренним возмущением потребовала Наталья, безуспешно пытаясь перекричать продолжавших сходить с ума сыновей и оглушительно хохочущего Никиту.

– Быстро поставьте меня на место! – придушенно рявкнула Катя и тут же оказалась стоящей на своих ногах. – У, хулиган! – с устрашающим выражением лица прорычала она, погрозив Ивану пальцем. – Больше так не делайте... – и чуть подумав, добавила: – Пожалуйста...

– Дядя Ваня – хулиган, дядя Ваня – хулиган! – радостно вопили на разные лады мальчишки, продолжая неистово скакать вокруг них.

– Так, Никита, иди переодевай детей, – взяла бразды правления в свои руки Наталья. – Всем мыть руки и через десять минут за стол. Катя, ты со мной на кухню.

– Считаю, что я уже на месте, – откликнулась та, вовсю сердито гремя посудой, при этом продолжая недовольно бормотать о том, что «везли в гости, а используют как бесплатную рабочую силу».

– Почему бесплатную? – удивилась Наталья, присоединяясь к подруге. – А кормёжка? А крыша над головой? А ласка и внимание? Сабинянка моя...

– Почему сабинянка? – Катерина едва не выронила из рук нож, которым резала хлеб.

– Был такой исторический период, когда в Риме жили одни мужчины. Они похищали женщин у других племен, в том числе у сабинян, – выдал краткую историческую справку Никита и подхватив отчаянно брыкавшихся сыновей, скрылся в глубине дома. За ним с видом незаслуженно оскорбленного в своих лучших порывах проследовал Иван.

– Только потом эти самые сабиняне римлянам хорошо по шее надавали, – процедила сквозь зубы Катя и с силой резанула батон.

– Если быть справедливой до конца, потом на помощь римлянам пришли их боги, и для сабинян все равно все закончилось плохо, а ты сейчас дубовую доску для нарезки чуть пополам не расколола, – заметила Наталья, стараясь снизить накал страстей.

После ужина, уложив юное поколение спать, они еще немного посидели в гостиной у горящего камина. Никита рассказывал о новом заказе в стиле барокко, постепенно переходя к самой истории появления этого стиля и тем знаменитостям, кто его предпочитали. У них с Натальей была небольшая фабрика по производству уникальной мебели из натурального дерева редких пород (иногда даже не встречающихся на просторах России). Обивочные ткани,

наполнители для мягкой мебели – все только самого высокого качества. Бывало, что они работали себе в убыток, но хорошая репутация того стоила, и в конце концов это себя оправдывало. Все изделия были ручной работы и шли только под конкретный заказ. Клиент мог запросить мебель в любом стиле, от рококо и ампира, советского неореализма и модерна до хай-тек и ар-деко, вплоть до, если такой существовал, стиля «фэнтези». Если клиент не мог определиться со своими желаниями и вообще не знал, чего ему хочется, то для этого существовал отдел, где активно занимались творчеством несколько талантливых художников и дизайнеров по интерьеру. Фабрика работала по известному в деловых кругах выражению «любой каприз за ваши деньги». Они твердо стояли на ногах, занимая свою нишу в мебельном бизнесе. Заказов было много: и от частных лиц, и от представителей гостиничного бизнеса, и от служащих Мельпомены, и от власти предрежащих. Учитывая огромную востребованность и высокий рейтинг на мебельном рынке, Никитоса, как хозяина, как генерального директора, как консультанта по почти любым вопросам, могли выдернуть на работу в любое время. Наталья возглавляла юридический отдел, без нее не заключался ни один договор, ни даже мало-мальский значимый контракт. Был еще Виктор – соратник и товарищ Никитоса, а также его заместитель, надежный партнер и правая рука. Еще он был большой умник, счастливый обладатель замечательной жены Ниночки и трех сыновей от четырех до восьми лет. Их дома с приусадебными участками располагались рядом, разделенные условной оградой, представленной увитым диким виноградом штакетником с постоянно широко открытой арочной калиткой.

Расходились около полуночи, шла рабочая неделя, и надо было рано вставать. Катерина решила, что завтра подольше поваляется в кровати и домой уедет на послеобеденной электричке, не дожидаясь возвращения Наташкиных мужчин. Ночью ей снилось землетрясение, оно все усиливалось и усиливалось, и откуда-то издалека требовательный женский голос звал ее: «Катя! Катя!!! Да проснись ты наконец!!!» Катерина распахнула глаза и как игрушечный ванька-встанька села в кровати, едва не столкнувшись лицом к лицу с Натальей, которая, перестав трясти ее за плечи, едва успела отпрянуть.

– Ну наконец-то, полчаса пытаюсь тебя разбудить...

– Который час? Что случилось? – ошалев от крепкого сна, вскинулась Катя. – За окном темнотища...

– Кать, ты нужна срочно... Ты пока одевайся, только побыстрее, – Наташа подала ей одежду и, торопясь, скороговоркой продолжила: – Только что звонила Ниночка, ну, ты же ее знаешь, жена Виктора...

– Да помню я, кто такая Нина, давай быстрее, – перебила ее Катерина, уже застегивая джинсы.

– Там что-то случилось с Петей, это их средний, уже была скорая, сделали укол, вроде стало ничего, а сейчас... Нина сказала, что... это, Петя... умирает...

Катерина летела вниз по лестнице, перескакивая через две-три ступени. В холле с встревоженными лицами стояли и тихо переговаривались Никита и Иван.

– Никита, дети на тебе. Одеть, накормить и отвезти в садик, – Наталья говорила тихим, не терпящим возражения голосом. – Мы с Катей и Иваном – к Володиным.

Они практически бежали. Первый этаж дома соседей был залит желтым тревожным светом, второй и третий уходили в глухую темноту ночи, создавая атмосферу глубокой, какой-то страшной, прощальной печали. Ниночка, невысокого роста женщина, хрупкая как девочка, больше похожая на школьницу, чем на мать троих детей, стояла черной горестной фигуркой в освещенном дверном проеме.

– Он там, – мертвым голосом произнесла она и махнула рукой куда-то вглубь дома.

– Температура? – взбегая на крыльцо и не здороваясь, спросила Катерина.

– Сейчас тридцать девять и восемь.

– Стул был? Мочится?

– Нет...

– Давно?

– Я не помню, – захлебнулась она слезами.

В гостиной на большом диване на правом боку, подтянув ножки к животу и закрыв глаза, прерывисто дыша, укрытый огромным клетчатым пледом, лежал мальчик. Кожа на его лице была серовато-зеленой, на висках мелким бисером блестели капли холодного пота, под закрытыми глазами залегли огромные, черные, в пол-лица тени, губы были покрыты сухими корками, личико осунулось от страданий и стало каким-то очень взрослым. Виктор, его отец, каменной глыбой стоял перед ним на коленях, заслоняя сына своим телом от всех, даже от самой смерти.

– Петенька, солнышко, ты меня слышишь? – осторожно отесняя Виктора от дивана и занимая его место, мягко произнесла Катя, становясь перед мальчиком на колени. – Петенька, открой глазки, посмотри на меня, это же я, тетя Катя.

Ресницы ребенка дрогнули, с трудом приподнялись тонкие, ставшие полупрозрачными веки, и Катя увидела его покрытые мутной пленкой глаза. Взгляд, ничего не выражая, блуждал, ища того, кто говорил, на минуту задержался на ней и угас. Он не узнал ее.

– Петя, Петенька, покажи мне язык. Пожалуйста, открой ротик и покажи мне язык, – команды до него доходили плохо, но он все же смог высунуть самый кончик. Этого было достаточно, чтобы увидеть – язык сухой и покрыт белым налетом, пульс – за сто ударов в минуту, живот вздут и напряжен. Катя попробовала мягко нажать на переднюю брюшную стенку, и ребенок отозвался болезненным тягучим стоном, и маленькая, будто маслянистая, слеза выкатилась из угла глаза.

– Больно, – еле слышно простонал он. – Мне больно.

– Маленький мой, попробуй подышать животиком, ну хоть попробуй, – головой она понимала – просьба абсолютно бессмысленна, он не сможет, а сердце категорически отказывалось верить в то, что сейчас перед ней разворачивалось. Ответом было молчание и прерывистое поверхностное дыхание. Вся клиническая картина и эта вынужденная поза с подтянутыми ногами – все складывалось так, что ей стало страшно...

– Пить... – тихо простонал малыш. Нина с Виктором, опережая друг друга, рванулись к сыну.

– Не поить! – успела крикнуть Катя, одновременно набирая номер на мобильном, и сама, испугавшись своего голоса, уже тише добавила: – Не поить. Нельзя. Только губы смочите...

Она уже была готова трясти трубку, чтобы хоть как-нибудь ускорить соединение, когда та наконец ответила.

– Катя, с ума сошла?.. Пять утра... – хриплым со сна голосом ответил ее мобильный.

– Геннадьевна, быстро проснись. У меня ребенок, шесть лет, перитонит, возможно перфоративный аппендицит. Почти терминальная стадия... Мы за городом, по Выборгскому шоссе... Быстро соберись – куда нам его везти? Мы сейчас выезжаем. Твоя задача – звони туда, нас должна ждать развернутая операционная, кладу трубку – перезвони мне. Слышишь, срочно!! Мне! Срочно! Надо знать, куда нам ехать. Еще раз повторяю: мы уже выезжаем.

Когда она обернулась, на нее с ужасом смотрели четыре пары глаз. Терминальная стадия – это было понятно всем.

– Наталья, останься с их мальчиками, – спокойно, будто ничего особенного не происходит, Катерина продолжала говорить, поочередно обращаясь к присутствующим. – Нина, нужны документы Петра: свидетельство о рождении, полис и ваши паспорта, ну, кто с ним будет находиться в больнице. Витя – теплое одеяло для ребенка. Иван, едем на вашей машине, она самая большая, и вы за рулем. И последнее: все делаем без суеты, но быстро, у нас мало времени. – А в голове билось: «У нас уже нет этого чертова времени».

Через десять минут они уже мчались по шоссе в город. Когда стрелка спидометра, нервно подрагивая, замерла в районе ста пятидесяти километров в час, они, не сбрасывая скорости, пролетели пост ГАИ, и от него тут же отделились две машины с проблесковыми маячками, догнав их внедорожник, взяли его в клещи. Одна машина шла перед ними, другая аккуратно пристроилась сзади. Катя, сидя на переднем сидении, обреченно закрыла глаза. Единственное, о чем она могла думать: сколько они потеряют времени на объяснения с гаишниками, когда у них сейчас каждая секунда на счету. Но не было многократно усиленных мегафоном требований немедленно остановиться, и никто не стрелял по колесам. Она открыла сначала один глаз, затем второй. Ситуация не изменилась – гаишники с мигалками впереди и сзади, стрелка спидометра перелетела через цифру сто семьдесят. И вдруг неожиданно прерывистым воем, разрывая предрассветную тишину, ударила сирена.

– Перекресток, – даже не поведя бровью, пояснил Иван. – Они нас сопровождают... У меня друзья в ГАИ...

Зазвонивший у Кати мобильный прервал его объяснения, она успела сказать: «да», «хорошо», «перезвоню».

– Нас ждут на Литовской, в Педиатрической академии. В приемном покое.

– Это недалеко, мы уже на Энгельса, – спокойно произнес Иван и, набрав номер на своем мобильном, не повышая голоса, сказал: – Литовская, Педиатричка.

В ответ гаишники включили сирену, и им везде был дан «зеленый коридор». В клинике все было быстро. Врачам, встретившим их у входа, было достаточно одного взгляда, брошенного на едва виднеющееся из-под одеяла лицо ребенка, чтобы понять всю критичность ситуации. Выхватив его из рук Виктора и крикнув: «С нами только мать», они бегом скрылись за дверью приемного отделения. Нина, как была, в домашнем халате и тапочках, быстро семеня, побежала за ними, прижимая к груди пластиковый пакет с документами.

– У него живот заболел еще вчера утром, – ровным, без каких-либо эмоций голосом заговорил Виктор, – но он ел и играл, мы думали, что он просто в садик идти не хочет... А вечером боли стали сильнее, и его вырвало, и вроде стало легче. Мы решили, что отравление, и дали активированный уголь. В час ночи он проснулся и сказал, что снова болит живот, и появилась температура. Невысокая, тридцать семь и пять. Мы вызвали скорую. Те приехали быстро. Их доктор сказал, что это отравление и ничего страшного нет. Сказал: «Давайте побольше пить, если будет плохо, вызывайте», и еще укол сделал, сказал «обезболивающее». Петя поспал. Поспал совсем недолго, а потом ему стало совсем плохо...

Они втроем стояли в холодном коридоре приемного покоя, и то ли от холода, то ли от стресса Катерину начала бить мелкая противная дрожь, которая зародилась где-то в животе и очень быстро охватила ее всю, от кончиков пальцев на ногах до макушки. Иван снял с себя легкую куртку и, укутав, крепко обеими руками прижал к себе, стараясь согреть. Время тянулось бесконечно долго.

– Кто здесь с Володиным приехал? – громко спросила появившаяся из ниоткуда полная, с тяжелым, отеком от усталости лицом дама в белом, не первой свежести халате и, не дождав ответа, сразу направилась к ним, профессионально вычленив их из массы толкущегося там народа. – Вы же Володины? Мне сказали, что среди вас есть врач...

– Я врач, – выскользнув из рук Ивана, произнесла Катя.

– Я Осипова, дежурный доктор. Ваш мальчик в крайне тяжелом состоянии, – она говорила привычными для нее в таких ситуациях четкими, отрывочными фразами, не отводя от Катиного лица своих красных от постоянного недосыпания глаз. – Его подняли в операционную. Прогноз, скорее всего, неутешительный, но будем надеяться... – и уже другим, прорвавшимся из-под защитной маски равнодушия тоном человека, так и не привыкшего к детским страданиям, добавила: – Вы же врач, вы должны знать, что чудес на свете не бывает... Но иногда происходит необъяснимое... и вы это тоже знаете...

Повернувшись к ним спиной, неестественно сгорбившись, она быстро затерялась в толпе.

– Нам надо ехать домой, – не оборачиваясь к мужчинам, тихо произнесла Катя. – Сейчас от нас ничего не зависит. Нужно Нине привезти одежду и обувь... и еще телефон, она наверняка его забыла, и еще зарядку к нему. Я видела, она ничего, кроме документов, с собой не взяла. И, Витя, у тебя дома еще двое, и там ты сейчас очень нужен...

– Да... Нужен... Поехали... телефон... конечно, ей нужен телефон, – послушно повторил он за ней.

Обратно они ехали молча, а навстречу им двигался нескончаемый поток машин – начинался рабочий день. Катерина, не выдержав давящей тишины, позвонила Наталье, предупредив, что они возвращаются и что с Петенькой еще ничего неизвестно. В ответ прозвучало, что с детьми все хорошо, напоены, накормлены, старший готов к выезду в школу, а с самым маленьким посидит баба Нюра. Катя понятия не имела, кто такая баба Нюра, но по тому, как кивнул Виктор, эта личность была ему хорошо известна. Дома их ждала встревоженная Наталья, которая, несмотря ни на что, успела приготовить легкий завтрак. Никита уехал пораньше, чтобы успеть отвезти малышку в садик, а старшего сына Виктора – в школу.

– Я не хочу есть, спасибо, – ни к кому не обращаясь, глухо сказал Виктор. – Пойду к себе, надо собрать вещи для Нюночки, потом в больницу и на работу...

– Никита сказал, чтобы ты не приезжал, занимайся своими делами... – попыталась остановить его Наталья.

Виктор неопределенно кивнул и вышел.

– Я тоже пойду, дела, – заторопился Иван.

– А завтрак? – растерялась хозяйка.

– Некогда. В городе перекушу. Все, милые дамы, держитесь. Если что, я на связи, – и, схватив бутерброд с сыром, исчез за дверью.

– Катюш, ну ты-то... – обратилась Наталья к подруге.

– Извини, обычно на стрессе все сметаю, а сейчас даже думать о еде не могу, вот только кофе или чай... все равно.

– Кать, – начала издалека Наталья, продолжая колдовать над плитой, – я пока была у Володиных, ну, там старшего в школу собрала, пока бабу Нюру дождалась, маленького тоже надо было в порядок привести, Никитос здесь собирал наших, ну, короче, там на втором этаже такой погром, просто кошмар какой-то. Поможешь прибраться? – ее последние слова прозвучали заискивающе.

– Наташ, скажи прямо: ты не хочешь, чтобы я уезжала.

– Да, не хочу, – честно призналась Наталья и развернула разговор на сто восемьдесят градусов: – А как тебе Иван? Он, кстати, в разводе...

– Иван? – растерялась Катя от такого резкого поворота. – Пожалуй, я выпью кофе. Налей мне, пожалуйста, и немного молока. Он кое-что, так, в общих чертах, рассказал о себе: кто он, что он, и, кстати, о семейном положении тоже... Мое мнение – неглуп, выдержан и сильный. Помнишь, как лихо меня на плечо закинул? До сих пор мурашки по коже... Плюс умеет готовить. Не пьет, не курит... Мечта, а не мужчина... но... – Катя чуть помедлила и, так как Наташа молчала, продолжила: – Сейчас меня пьянит воздух свободы, и еще...

– Ах, да, ну как же я могла забыть? – не выдержала та. – Есть еще таинственный мачо, владелец издательства. Только интересно, что такой «принц» до сих пор делает на свободе?

– Офонарела? – деликатно поинтересовалась Катерина. – Я имела в виду, что еще впереди всякая тягомотина, связанная с разводом. Насчет мачо... не питаю ни малейших иллюзий... Короче, роковые обеспеченные красавцы и чудо-богатыри – отдельно, уставшие врачи зрелого возраста, не имеющие ничего, кроме кучи комплексов, – отдельно. Поэтому, реально оценивая свои возможности, после развода я в первую очередь куплю себе вислоухого котенка, буду чесать его за ушком, а он в ответ будет мне громко урчать. Хотя, если признаться, когда

на тебя обращают внимание «знойные» мужчины, это чертовски приятно и повышает самооценку. А остаться и помочь – так я сама не очень рвусь домой, просто завтра дежурю сутки.

– Спасибо. Мы с тобой вдвоем быстро все сделаем. А для повышения своей самооценки нужно было подумать о разводе пораньше, ну, лет эдак на пять. Котенок – это конечно здорово, но пусть он будет не главным в твоей жизни, а так, только маленьким дополнением, – и, не дожидаясь ответа, Наталья, тяжело вздохнув, обреченно махнула рукой, что значило «полная безнадега».

Уборка и готовка лихо съели у них половину дня, но все имеет свое логическое завершение, и когда они вышли на финишную прямую, Наталья, заметив, что в расписании электричек сейчас перерыв, а рейсовые автобусы ходят раз в час, предложила передохнуть.

Катя не сопротивлялась и с мыслями, что после приезда в город надо будет забежать в ближайший магазин и купить какой-нибудь перекус на дежурство и обязательно кофе, поднялась к себе в комнату.

Перед глазами мелькнула огненная надпись: «Ты опоздала на работу!» Катерину буквально подбросило на кровати, и сна как не бывало. За дверью слышалось неясное шуршание и детское подхихикивание, а рядом с ней на кровати совершенно наглым образом мирно похрапывала Наталья.

– Наташка! Караул!!! – полушепотом завопила Катерина. – Дети уже дома, я опаздываю...

В тот же момент дверь распахнулась, и с радостными воплями в комнату ворвались неугомонные братцы. Забравшись с ногами на кровать, они всей своей массой навалились на подруг, и тут же образовалась копошащаяся, хохочущая на разные голоса куча-мала из подушек, пледов, детей и женщин.

– Не паникуй... – сладко потягиваясь и вяло отбиваясь от нападающих сыновей, попыталась ответить Наталья, но, увидев выглядывающее из-за двери умильное лицо Никиты, замерла на полуслове.

– Милые дамы, очень кушать хочется. Причем всем хочется. Может, все-таки покормите? А то мы кровавым потом зарабатываем хлеб насущный, а вы тут бока давите.

– Зависть – неблагородное чувство, – выбираясь из-под копошащейся детворы, с тяжелым вздохом произнесла Наталья и, встав с кровати, с явной обидой в голосе продолжила: – Убирала, стирала, гладила, обед-ужин готовила, на минутку прилегла – и сразу трубы трубят, барабаны бьют, фанфары гремят: вставай, беги, спасай! Ничего без матери не можете...

– Ничего! – радостно подтвердил Никитос и поцеловал ее в щеку. – Погибаем без тебя, матушка...

– Ой, отстань, – сморщив нос от показного возмущения, ответила она на откровенный подхалимаж со стороны мужа и тут же обратилась к Кате: – А ты не переживай. Иван звонил и сказал, что он к семи, а может, и раньше будет здесь, потом ему вечером надо вновь вернуться в город, и он тебя отвезет, вот и решила тебя не будить. А теперь, дружное семейство, пошли дружно ужинать.

– Ур-р-р-ра! – неожиданно завопил Никита. – Кормить будут! Ур-р-ра!

– Ур-р-р-ра! – во все горло подхватила детвора и, бросив полуистерзанную крестную, кубарем скатилась с кровати и вприпрыжку помчалась за отцом.

– И такой дурдом каждый день, – бормотала Наталья, отправляясь за ними вслед. – А он еще девочку хочет. Сейчас! Чего там мелочиться – сразу трех, – последние слова доносились уже из коридора.

«Однако... в принципе, если Иван меня подвезет, ничего плохого в этом нет. Да чего там плохого, это было бы просто здорово, если он, конечно, не имел в виду подвезти до ближайшего метро, а от ближайшего метро „здесь“ к моему ближайшему метро „там“, а потом на автобусе, а потом еще немного пешком, ну, как раз и светать начнет», – думала Катя, спуска-

ясь по лестнице и при этом старательно изображая на лице полную оптимизма улыбку. За столом Никита рассказал, что ему стало известно из последнего разговора с Виктором, который вместе с Ниночкой был в больнице. Петя в реанимации, состояние крайне тяжелое, и прогнозов никаких не дают. После услышанного дальнейший ужин прошел скомкано, и Катерина, оказав посильную помощь Наталье с уборкой посуды, засобиравшись домой. Приехавший, как обещал, Иван имел весьма озабоченный вид и, отказавшись от ужина, попросил разрешения выпить только чашку кофе. В этот момент к ним, как к себе домой, не вошла, а ввалилась внушительной комплекции дама пенсионного возраста (по новому стилю), пышущая отменным здоровьем и с явным переизбытком нереализованной энергии. Щекастое лицо горело ярким румянцем, глаза светились жаждой деятельности, и даже обесцвеченные перекистью, торчащие во все стороны короткие пряди волос не производили впечатления беспорядка, а будто тоже участвовали в безудержной деятельности их хозяйки. Рядом с ней с несколько растерянным видом стояли два опрятно одетых мальчика восьми и четырех лет. Громоподобно, будто ее окружали глухие, поздравившись, баба Нюра, а это была именно она, категорично заявила, «что у нее сейчас нету, ну, нету никакой возможности сидеть с детьми, так как у нее козы не доены», и, не дав никому открыть рта, поклонившись, тут же вышла.

– Кто дверь не закрыл? – сурово глядя на Никиту, спросила Наталья. – И ведь не в первый раз. – Муж, полностью признав свою вину, стоял, понутив голову. – Ну хорошо, то есть, конечно, ничего хорошего, – она тут же поправилась. – Об этом потом поговорим. Мальчики, вы голодные? – переключилась Наталья на оставшихся стоять в дверях ребят и, получив отрицательный ответ, с явным удовольствием сообщила мужу, что детям очень не хватает мужского внимания и он просто обязан их им обеспечить. Паша с Сашей, не понимая, что происходит, но остро почувствовав, как изменилась атмосфера, и видя, как, сиротливо прижавшись друг к другу, стоят соседские братья, тоже притихли. Никита, быстро сориентировавшись, выкрикнул: «кто первый добежит до детской, того ждет грандиозный сюрприз» и, перескакивая через две-три ступеньки, махнул наверх, мальчишки, моментально подхватив игру, с визгом помчались за ним. И куда только делась их грусть-печаль? Через несколько минут наверху в детской раздался оглушительный грохот – там разворачивались действия, соизмеримые с масштабными военными маневрами. Иван вдруг вспомнил, что пить кофе на ночь вредно для здоровья и, учитывая позднее время, а ведь кому-то завтра на дежурство, предложил выдвинуться в путь. Катерина не собиралась возражать, незаметной тенью, чтобы ее не увидели дети, проскользнула в свою комнату, где переоделась, и, захватив сумку, так же тихо спустилась вниз. Расцеловавшись с Натальей, она клятвенно пообещала «не пропадать» и обязательно держать ее в курсе событий, а затем выскочила из дома. Иван уже ждал ее, сидя за рулем внедорожника. Их побег для младшего поколения остался незамеченным. Дорога заняла значительно больше времени, чем они ожидали. На Кольцевой в самом неожиданном месте, где не было ни съезда, ни развязки, поперек всей трассы, полностью ее перегородив, лежала на боку перевернувшаяся цистерна с горючим, которое уже начало огромной тягучей лужей растекаться во все стороны. Скопившихся в пробке машин было немного, но подъезжали все новые, они невольно препятствовали первым уйти задним ходом, а когда до подъехавших доходило, что произошло, они уже сами оказывались заперты в эту ловушку.

Когда им удалось добраться до ее дома, был первый час ночи.

– Я провожу вас, – поставил ее перед фактом Иван, выходя из машины.

– Спасибо, не надо, – попыталась устало возразить Катерина, с тоской подумав, что они не заехали в магазин, так как она постеснялась попросить его на минутку остановиться, а у нее пустой холодильник, и через пять часов вставать на дежурство, и надо будет выйти раньше, так как с пустыми руками на сутки идти нельзя – плохая примета...

– Не обсуждается, – произнес он так, что если у нее и были какие-либо возражения, то они застряли где-то на уровне между желудком и диафрагмой. – Проводить вас – это не пред-

ложение, это принятое и приятное решение. Однако у вас здесь живенько... – продолжал он, без видимого удивления оглядывая неуютный подъезд с облупившейся краской на стенах, старенькую лестницу со стоптанными ступеньками, перила с оторванными местами деревянными поручнями и погнутыми балясинами. – А почему парадная нараспашку?

– Проветривается... – не вдаваясь в подробности, ответила Катерина, медленно поднимаясь наверх. Электрический свет во всем подъезде был тусклым, с тошнотворным грязно-белым оттенком. Энергосберегающие лампочки были покрашены масляной краской (чтобы некоторые предприимчивые жильцы их не выкручивали для дальнейшего использования в личных целях), и мутное освещение усиливало ощущение глубокой запущенности.

На последней ступеньке четвертого этажа, распространяя вокруг себя запах дешевого алкоголя, прислонившись боком к стене, разрисованной каким-то начинающим художником граффити, сидела Нона. Она крепко спала, положив голову со спутанными волосами на скрещенные на коленях руки.

– О, Господи, ты опять ключи потеряла, – чуть запыхавшись, озвучила увиденное Катерина, оттесняя растерявшегося Ивана. – Эй, «красавица, проснись: открой сомкнуты негой взоры...». Я пришла, и считай, что тебе сегодня очень повезло и не придется снова ночевать в подъезде или где-нибудь на вокзале. Да просыпайся уже, или тебе ключи сюда вынести?

Катерина потрясла Нону за плечо, но вместо того чтобы проснуться, та, как тряпичная кукла, стала медленно заваливаться набок. Ее голова неестественно отклонилась к правому плечу, вдруг запрокинулась назад устремив вверх стекленеющие глаза, руки сползли с колен, открыв на груди черную дыру с огромным, продолжающим расползаться во все стороны кровавым пятном. Понимая, что с такой раной в области сердца выжить невозможно, Катерина, на уровне условного рефлекса попыталась определить пульс на запястье и в области сонной артерии. Сомнений не было – та была мертва, и с момента смерти прошло совсем немного времени.

– Ничего не трогай, – быстро сказал Иван и, взяв Катю за плечи, силой отвел ее в сторону.

– Это моя соседка, я думала, что она, как всегда, пьяная, а она мертвая, – заикаясь от бьющей ее дрожи, с трудом выдавила из себя она. – Ее только что убили, вот только что, перед самым нашим приходом. К-кожа еще теплая, и кровь т-только начинает сворачиваться. Он – этот, кто убил, – где-то рядом.

Она нервно оглянулась – лестница была пуста.

– Ничего не трогай и никуда не уходи, – на ходу повторил свой приказ Иван и бегом бросился наверх по лестнице на пятый этаж и дальше к чердаку.

– Вернитесь! У него пистолет!!! – крикнула Катя в его быстро удаляющуюся спину и, поняв, что он ее не слышит, уже тише добавила: – Надо же вызвать скорую... и полицию... Хотя скорую можно во вторую очередь.

Нона лежала на боку, глядя тускнеющими глазами на мир, с которым ей пришлось так внезапно проститься на этой запущенной лестничной площадке. Пока Иван обследовал чердак, Катерина, стараясь не смотреть на бывшую соседку, пристроила сумку на колено и отчаянно пыталась найти мобильный. Как бы она ни старалась положить его так, чтобы он всегда был под рукой, телефон как по волшебству перемещался на самое дно сумки, независимо от ее габаритов и степени наполненности. На этот раз ей пришлось закопаться в своем ридикюле почти с головой, обнаружив искомое на его обычном месте, то есть именно на самом дне, под огромной косметичкой, забитой предметами первой необходимости.

– Полицию вызвала? – спускаясь к ней, спросил Иван. – Там открыта дверь на чердак, а чердак сквозной на все подъезды. Думаю, убийца нас услышал и ушел, сейчас его и след простыл.

– Вызвала, – у Катерины внезапно сел голос. Куда бы она ни смотрела, глаза сами собой возвращались к еще не остывшему телу. Что-то было не так. Конечно. Сумка... Нигде не было

видно ее брендовой, купленной за баснословные деньги сумки от Valentino. – Я не вижу ее сумки, – продолжила она вслух. – Такая кожаная, темно-коричневая... с длинными ручками, чтобы можно было носить через плечо...

Грохот тяжелых шагов поднимающегося по ступенькам множества мужских ног прервал ее, и через несколько минут на узкой лестнице и небольшой лестничной площадке уже давилось куча народу. Мужчина в застегнутой осенней куртке, из-за ворота которой виднелся угол несвежей рубашки, измятых брюках и нечищенной обуви совсем не походил на того полицейского, к которому в критическую минуту хотелось бы обратиться за помощью. Он невнятно представился и попросил их показать документы. Трехдневная щетина и короткий, с проблеском седины отросший ежик, мешки под глазами и набрякшие веки над ними, тяжелый подбородок и крупный нос, покрытый сетью атеросклеротических прожилок, усиливали и без того весьма несимпатичный образ типичного «одинокого мужичка за пятьдесят». С печальным, почти трагическим выражением лица взяв у Катерины и Ивана паспорта, полицейский тщательно изучал в них каждую букву, периодически сверяясь с фотографиями, чтобы еще раз удостовериться – перед ним стоят их истинные хозяева. Одновременно, чуть склонив голову вбок, он внимательно слушал историю обнаружения тела, вновь и вновь возвращаясь к их документам. Наконец, будто смирившись с тем, что и документы, и их владельцы подлинные, он с видимым сожалением передал бумаги совсем молоденькому коллеге, единственному, кто из всей группы был в форме. Катерина тут же про себя решила, что тот определенно стажер, и не только по возрасту, а по тому, как молодой человек, осторожно примостившись на ступеньках, старательно пристроил на коленях планшет с прикрепленным к нему бланком, стал все тщательно записывать, при этом высунув от переполняющего его усердия кончик языка. Так работали ее клинические ординаторы. Ох, завтра, нет, уже сегодня ей на дежурство...

Данные паспортов были переписаны. «Стажер» передал их своему непосредственному начальнику, а тот, в свою очередь, вернул документы их законным владельцам. Казалось, что при этом его печаль только усилилась. Свидетели не были похожи на убийц (хотя чего в жизни не бывает) этой лежащей на затоптанной лестничной площадке странного вида девицы. Та была одета явно не по сезону: легкое, видно, когда-то очень дорогое, а теперь потерявшее какой-либо вид грязное пальто, такое же грязное платье, теперь еще и залитое кровью, зимние сапоги, явно не из дешевых, надетые на голые ноги, и еще от тела за версту тянуло алкоголем. Катерина почему-то подумала, что «печальный следователь», ни фамилии, ни звания которого она толком не расслышала, уже раскрыл преступление. Лица, ведущие асоциальный образ жизни, не поделили спиртное, и дело закончилось огнестрелом. Только вот откуда у подобных лиц оружие, способное проделать в груди такую дырищу, скорее всего, никто выяснять не будет. Да и кому это может быть интересно? А тем временем на лестнице вовсю разворачивались следственные мероприятия. Катерина, стараясь никому не мешать, протиснулась к двери своей квартиры и, открыв ее, не глядя, забросила куда-то вглубь сумку, уже порядком оттянувшую ей руку.

– Кофе будете? – предложила она Ивану, видя, что полиция потеряла к ним интерес, и, будучи абсолютно уверенной в том, что тот откажется, еще добавила (чтобы у него не было уже никаких сомнений): – Растворимый.

Иван было собрался ответить, но Катерина не дала ему этой возможности. Ее взгляд зацепил связку ключей, сиротливо висевших на вешалке в ее коридоре, и она тут же окликнула «мятого» полицейского. Он в это время, находясь на лестничной площадке между четвертым и третьим этажами, общался с кем-то из своих коллег. В действительности, активно размахивая руками, что-то говорил его собеседник, а сам следователь молчал и, похоже, мирно дремал с полузакрытыми глазами.

– У меня есть ключи от ее квартиры, от квартиры Ноны, ее запасные ключи, – так громко произнесла Катерина, что ее голос разнесся с первого по пятый этаж. «Мятый» полицейский

ощутимо вздрогнул, очнувшись от своего полудремотного состояния, поднял на Катерину воспаленные от бессонницы глаза, в которых немым укором звучало: «Ну зачем вы так?», и, подавив тяжелый вздох, с неохотой стал подниматься к ним на этаж. Санитары, начавшие уже укладывать тело на носилки, чуть посторонились, чтоб его пропустить, и продолжили свой нелегкий труд.

– А что это их так много? – не смог он скрыть своего удивления, рассматривая увесистую связку. – И почему она их хранила именно у вас? Вы дружили?

– Девять ключей... – сглотнув внезапно подкативший к горлу горький комок, ответила Катерина. – Подругами... нет, мы просто соседи. Когда она попросила, я не смогла ей отказать. Она их постоянно теряла, иногда даже несколько раз в месяц. Поэтому сразу много сделала, чтобы дверной замок не менять. Мне кажется, что родственников и друзей у нее здесь не было. Она была какая-то вся одинокая, – и едва не добавила: «Как вы». Но вовремя остановилась и, постаравшись замаять неловкую паузу, продолжила: – Нона как раз вчера взяла один и еще сказала, что их осталось девять, как жизней у кошки...

– Ладно, спасибо, я вас еще вызову, если понадобится, – вновь загрустил следователь. – Да, а может, понятыми будете? Нам теперь надо квартиру осмотреть...

Катерина вдруг поймала себя на мысли, что этот то ли капитан, то ли майор (по возрасту этот чин больше ему подходил) своим печальным видом напоминает бассет-хаунда. Такой пес жил в соседней парадной, и каждый вечер его выгуливала пожилая интеллигентного вида дама. Капитан-майор был таким печально-нудным, что наверняка его основным методом раскрытия дела был «вода камень точит». Поэтому он еще не успел открыть рот, чтобы начать агитацию в пользу внесенного им предложения, а Катерина уже была на все согласна, или почти на все. Поняв, что сейчас не в силах выслушивать даже самые что ни на есть «разумные и убедительные» доводы, а готова только, смирившись, принять это как неизбежное и постараться пережить то, чего невозможно избежать. Кто-то из классиков сказал более красиво: «если не можешь избежать смерти, прими ее достойно», но у нее, она так надеялась, все было не столь критично. Да и полицейских можно понять, они тоже люди и имели свои «маленькие слабости». Например, полное отсутствие желания бегать в поисках новых лиц, обзванивая в два часа ночи квартиры соседей и вызывая к их гражданскому долгу, снова и снова объясняя, что произошло, и если вдруг кто не дай Бог согласится, то оформлять документы, а это трата времени. Остаться здесь до утра по поводу убийства опустившейся девицы никому, конечно, не хотелось.

Наклейку, которой опечатали дверь Ноны, сняли, и они все вошли в ее квартиру. Первым шел печальный капитан-майор, за ним фотограф и еще несколько мужчин в штатском. Замыкали шествие юный стажер в форме и понятые – Катерина и Иван. «Ночлежка для гастарбайтеров или пристанище для лиц без определенного места жительства» – это было первое, что пришло ей в голову, когда они переступили порог «нехорошей квартиры». На полу маленького коридорчика валялась разбросанная обувь. Здесь были сафьяновые тапочки непонятного грязного цвета и когда-то расшитые золотой нитью; несколько пар модельной обуви (на все случаи «праздничной жизни»), они были разных, преимущественно очень ярких, экзотических расцветок, и все с высоченными (абсолютно неносибельными) каблуками; осенние сапоги, на одном из которых отсутствовал каблук. На стене с ободранными и местами подклеенными прозрачным скотчем обоями на прибитых кое-как крючках висело несколько когда-то очень дорогих вещей. Длинный лайковый плащ был небрежно подцеплен за воротник, так как петелька вешалки, вырванная с мясом, грустно болталась на одной тонкой ниточке. Сам плащ, покрытый грязными пятнами, напомнил Кате фотографию видимой поверхности Луны с ее черно-серыми кратерами на серебристом фоне. Она такую видела еще в школьные годы на уроке астрономии. Рядом с плащом на плечиках аккуратно пылился песцовый полушубок серебристого цвета. Комната, служившая одновременно и спальней, и гостиной, напоминала

пункт сбора дорогого вторсырья. Вещи валялись везде: на стульях, на полу, на разобранном диване вперемишку со сбившимся в комок несвежим постельным бельем. Дверцы шкафа были распахнуты, и все его содержимое разномастной кучей валялось на полу. На столе кружевное нижнее белье соседствовало с разнообразной косметикой, количество и качество которой сделало бы честь небольшому провинциальному театру. Тут же стояла перламутровая шкатулка с отломанной крышкой, возле которой были разбросаны драгоценности.

– У нее всегда такой беспорядок? – тяжело вздохнув и оглядываясь по сторонам, с нескрываемой грустью поинтересовался «Бассет».

– Я у нее ни разу не была, – ответила за всех Катерина, справедливо решив, что из всех присутствующих только она одна могла претендовать на сомнительные лавры знакомства с убитой. – Ко мне она заходила, но только за ключами. К себе никогда не приглашала, а я не напрашивалась.

– А соседи? – продолжал все больше печалиться капитан-майор, и казалось, что в его глазах даже предательски блеснула слеза, и, чуть подумав, уточнил: – Ваши соседи.

– В сто десятой квартире живет тихий запойный алкоголик Жорик, у него, кажется, проблемы с головой. Он подростком получил травму. Я не знаю его полное имя, но все к нему обращаются «Жорик», и он откликается. Апполинария Евдокимовна из сто восьмой, наверное, работает на дому или рано вышла на пенсию, потому что на вид ей лет сорок пять – сорок восемь, но она постоянно сидит дома. Очень замкнутая, ни с кем из нас не общается. Живет вроде одна. На других этажах практически никого не знаю, при встрече здороваемся, говорим о погоде, обмениваемся общими фразами и все. Да, еще вынужденно более-менее знаю весьма шумного молодого человека, он над моей квартирой живет и, похоже, употребляет наркотики.

– А откуда вы знаете про наркотики? – тут же вскинулся нервного вида молодой человек с глубоко посаженными и постоянно рыскающими глазками.

– Когда человек, от которого не пахнет алкоголем, с расширенными зрачками несет полную околесицу, то это никак не похоже на уход «тонкой и трепетной личности» в творческую нирвану. Он скорее напоминает опустившегося аборигена из африканской глубинки со своими сальными дредами.

– Он что, негр?

– Почему негр? – растерялась Катерина. – Нет, белый. Белый абориген... ну, то есть местный житель.

– У вас, однако, очень интересный подход к характеристикам окружающих, – вдруг спрятав свою грусть и тут же перестав быть похожим на бассета, произнес следователь, с интересом воззрившись на Катерину. Она едва заметно пожала плечами и отвернулась к Ивану, который, казалось, не услышал ни единого слова, внимательно наблюдая за осмотром квартиры, и, судя по выражению его лица, находил этот процесс забавным.

– У меня все же складывается впечатление, что здесь что-то искали, – продолжал капитан-майор, исподтишка разглядывая понятых. Для него они представляли весьма странную пару. Хотя какая они пара... Оба зрелые, состоявшиеся и из разных социальных слоев... совершенно разных. Она – типичный житель спального района, одета «по средствам» среднего достатка, но со вкусом, невысокая чуть полноватая брюнетка, выглядит на свой паспортный возраст, можно сказать, симпатичная, но немного косметики не помешало бы. Явно не домохозяйка, работает. Хорошо держится, не истерит, в обморок не падает. По паспорту замужем, но этот, что рядом, явно не муж, и на любовника не похож, не ее уровень. С мужиком сложнее, как там его по паспорту? Следователь чуть наморщил лоб. Иван Андреевич, сорок два года, живет, ну, во всяком случае прописан на Литейном. Вид холеный, но не барин. Одет вроде просто, но все качественное и купленное не на местных «блошиных рынках». У таких обычно рядом девчонки на порядок моложе, чем эта, да и посексапильней. Рост ненамного выше среднего, за счет осанки смотрится выше и шире, особенно в плечах, под свитером вон

какие мышцы прорисовываются, но не качок. Костяшки на пальцах и ребра ладоней в крепких мозолях, значит, карате, айкидо или что-то в этом роде, и это не любительское – помахать руками, это профессиональное. Ногти короткие, ухоженные, и уход за ними не от случая к случаю, а салонный и регулярный, но на голубого не похож, хотя при чем здесь ориентация? «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей». Да, этот Широков непрост, ох непрост, вон, лицо и глаза будто живут отдельной жизнью. Хочет казаться простоватым мужиком, эдаким рубахой-парнем, а глаза черные так и зыркают. Взгляд вроде равнодушный, а уже все осмотрел, все увидел и сделал выводы. Да, непрост этот «бизнесмен». Что же их может связывать? Он внезапно споткнулся о взгляд, которым внимательно, через легкий прищур его изучал этот самый Иван Андреевич. От неожиданности майор внутренне вздрогнул и тут же, будто ничего не произошло, отвел глаза в сторону. Повернувшись спиной к понятым, он стал с особым рвением изучать валяющуюся на полу одежду, при этом вся его фигура буквально излучала досаду, которую испытывал следователь. Досмотр по меркам полицейских был закончен достаточно быстро, хотя часы и показывали третий час ночи. Протоколы подписаны, дверь вновь опечатана – жизнь равномерно текла дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.